РУССКАЯ

СОЦІАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

КАВЕНЬЯКЪ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

ЖЕНЕВА

ТИПОГРАФІЯ А. ТРУСОВА, CHEMIN DE LA TOUR, 2.

1874

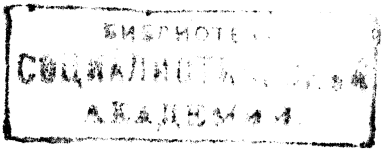
„Пров 49“

ПР 86

1шк
РСДРП
4

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

103173



ПРЕДИСЛОВІЕ

Русской соціально-демократической Библіотекой *издатели думаютъ положить основаніе изданію, въ которомъ чувствуется крайній недостатокъ въ русской литературѣ и которое при нашихъ цензурныхъ распорядкахъ въ самой Россіи совершенно немыслимо, именно: изданію сочиненій по соціально-экономическимъ, политическимъ и философскимъ вопросамъ.*

На счетъ матеріальныхъ средствъ, для выполненія такого обширнаго предпріятія, издатели себя не обманываютъ: средства ихъ болѣе чѣмъ скудны. Потому они и обращаются съ просьбою ко всѣмъ тѣмъ, кто, подобно имъ, сознаетъ всю громадную пользу подобнаго изданія для русской публики, поддержатъ его своими посильными денежными вкладами.

Вкладчики могутъ назначать свои пожертвованія спеціально на тѣ сочиненія, которыя они желали бы видѣть изданными, что и будетъ выполнено по мѣрѣ накопленія для этого достаточной суммы.

Отчетность въ поступившихъ на поддержаніе Библіотеки *деньгахъ будетъ печататься при каждомъ ея выпускѣ. Имена вкладчиковъ, по выраженному ими желанію, будутъ означаться или начальными буквами, или псевдонимами.*

Нечего и говорить, что корреспонденція и личныя сношенія съ вкладчиками, а равно и секретъ рукописей, гарантируются полнѣйшей тайной.

Цѣль **Соціально-демократической Библіотеки** *ясна. Россія единственная страна въ Европѣ, гдѣ всякое обсужденіе соціальныхъ и экономическихъ вопросовъ, не вошедшихъ въ списокъ оффиціальной науки, устанавливаемой попомъ въ вицъ-мундирѣ, Толстымъ, и охраняемой жандармомъ Шуваловымъ, абсолютно запрещается.*

Между тѣмъ какъ въ Европѣ дѣлаются громадныя попытки примѣнить нѣкоторыя изъ соціально-экономическихъ началъ, выработавшихся не въ умахъ кабинетныхъ мыслителей, оторванныхъ отъ окружающей жизни и витающихъ въ трансцендентальныхъ, недосягаемыхъ сферахъ науки для науки, а въ мозгахъ коллективности, прямымъ и единственнымъ выраженіемъ которой служатъ теперь международные съѣзды выборныхъ отъ рабочихъ, — у насъ объ этихъ началахъ и упоминать считается преступленіемъ. Исключеніе бываетъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда, съ цѣлію ихъ дискредитированія, эти начала искажаются продажными писаками, заграничными и доморощенными.

Библіотека *должна будетъ совмѣстить въ себѣ все главное, что было публиковано по соціальнымъ и экономическимъ вопросамъ, и въ особенности съ эпохи появленія на свѣтъ Международнаго Товарищества Рабочихъ. Говоримъ: въ особенности, потому что съ этой эпохи вопросы эти стали получать большую опредѣленность, такъ сказать воплощенность и жизненность, которыя до того были неизвѣстны и о которыхъ, къ сожалѣнію, едва ли не большинство русской интеллигенціи имѣетъ не совсѣмъ отчетливое представленіе, все еще блуждая между авторитарными теоріями коммунизма и якобинизма, теоріями много утратившими своего значенія съ возникновеніемъ Международнаго Товарищества Рабо-*

чихъ, и которымъ Парижская Коммуна, можно надѣяться, нанесла послѣдній coup de grâce.

Стало быть, издать рядъ сочиненій, въ которыхъ устанавливались бы болѣе правильные взгляды на соціально-экономическія отношенія всего живущаго своимъ трудомъ человѣчества и разоблачались бы ложность и своекорыстная софистика ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ *и такъ называемыхъ* ПОЛИТИЧЕСКИХЪ *и* ФИЛОСОФСКИХЪ НАУКЪ, — *будетъ не главною, а единственною заботой издателей и единственной цѣлью* **Русской соціально-демократической Библіотеки.**

Начиная свое изданіе статьей Н. Г. Чернышевскаго, издатели должны, однакожъ, оговориться, что въ настоящую минуту они ограничатся напечатаніемъ только двухъ его статей — КАВЕНЬЯКА *и* АНТРОПОЛОГИЧЕСКАГО ПРИНЦИПА ВЪ ФИЛОСОФІИ.

Рекомендовать эти двѣ статьи было бы лишне: кому не извѣстенъ строго-научный методъ Н. Г. Чернышевскаго, который онъ съ такой неукоснительной послѣдовательностью примѣнялъ въ своихъ изслѣдованіяхъ къ явленіямъ политической, соціальной и экономической жизни, равно какъ и въ области чисто философскихъ наукъ?

Скажемъ только, что КАВЕНЬЯКЪ *выбранъ потому, что эта статья представляетъ въ высшей степени современный интересъ: она содержитъ такую вѣрную критическую оцѣнку людей и событій, относящихся къ революціи 1848 г., что, сличая полнѣйшую аналогичность политическаго положенія Франціи настоящаго времени съ періодомъ, слѣдовавшимъ за революціей 1848 г., эта критика всецѣло можетъ быть примѣнена къ людямъ и событіямъ 1870—74 г. Ошибки, понадѣланныя тогдашними политическими партіями — республиканцами и*

монархистами — изъ ненависти къ народнымъ требованіямъ, съ поразительной точностью повторяются и теперешними. Разница только въ томъ, что роль народнаго палача тогда игралъ очень ограниченный, но чистокровный республиканецъ-доктринеръ, герой іюньскихъ кровавыхъ дней, Кавеньякъ, а въ этотъ разъ — плутоватый новообращенецъ-республиканецъ, прошпигованный до мозга костей монархическими фикціями, герой недѣльной майской бойни, Тьеръ, своею холодною старческою жестокостію и местью превзошедшій не только Кавеньяка, но и самого Наполеона III. Но и эта разница только мнѣ: въ сущности и тотъ и другой укротители голодныхъ массъ народа, при дружныхъ рукоплесканіяхъ республиканцевъ и монархистовъ, и усердные подготовители пришествія Бонапартовъ.

С. ЖЕМАНОВЪ.

Для слѣдующихъ выпусковъ въ редакціи Библіотеки имѣются:

1. *Etude sur le mouvement communaliste* Лефрансе *(переводится).*
2. *Etude sur les doctrines sociales du christianisme* Гюйо *и* Лакруа *(переводится).*
3. *Конгрессы Международнаго Товарищества Рабочихъ.*
4. *Уничтоженіе государства* Энглендера.

Н. Г. Чернышевскаго:

5. *Антропологическій принципъ въ философіи.*
6. *Борьба партій во Франціи* при Людовикѣ XVIII и Карлѣ X.
7. *Іюльская монархія.*
8. *О землѣ, какъ элементѣ богатства.* (Библіографія.)
9. *О нѣкоторыхъ условіяхъ, способствующихъ умноженію народнаго капитала.* (Критика.)

NB. Всѣ его статьи, не вошедшія въ заграничныя изданія, предложены въ наше распоряженіе.

Адресоваться за свѣдѣніями въ Типографію А. Трусова: Chemin de la Tour, 2, (à la Cluse), à Mr Troussoff.

КАВЕНЬЯКЪ *) .

По случаю смерти Кавеньяка, въ иностранныхъ газетахъ явилось много статей, обозрѣвающихъ его государственную дѣятельность ; находя интересными факты, представляемые въ нѣкоторыхъ изъ этихъ статей, мы приводимъ здѣсь, такъ сказать, сводъ ихъ. Дѣла эти намъ совершенно постороннія, мы не можемъ имѣть никакого особеннаго сочувствія ни къ одной изъ партій, участвовавшихъ въ событіяхъ, которымъ подвергалась Франція въ послѣднее время ; мы видимъ только, что каждая изъ этихъ партій надѣлала много ошибокъ, и что вслѣдствіе того событія имѣли гибельный ходъ. Читатель замѣтитъ, что этотъ взглядъ господствуетъ въ представляемой статьѣ ; онъ замѣтитъ также, что этотъ взглядъ ни мало не принадлежитъ намъ, — мы только передаемъ то, что находимъ въ источникахъ, которыми руководствовались.

I

Изгнанный изъ Франціи переворотомъ 2 декабря, черезъ нѣсколько времени тихо возвратившійся на родину, чтобы закрыть глаза умирающей матери, потомъ нѣсколько лѣтъ жившій въ уединеніи, чуждаясь политическихъ дѣлъ, суровый побѣдитель іюньскихъ дней долго оставался почти забытъ молвою.

*) *Современникъ*, Январь и Мартъ 1858 г.

Послѣдніе выборы, на которыхъ его имя было выставлено символомъ начинающагося противодѣйствія декабрьской системѣ, снова привлекли на бывшаго диктатора вниманіе не только Франціи, но и цѣлой Европы; нѣсколько мѣсяцевъ, всѣ европейскія газеты наполнялись соображеніями о томъ, какое значеніе имѣетъ выборъ его въ депутаты. Несомнѣнные признаки показали, что приближается время политическаго оживленія для Франціи. Кавеньяку очень многіе предназначали одну изъ значительнѣйшихъ ролей въ движеніи, близость котораго равно предвидится во Франціи людьми всѣхъ мнѣній. Потому внезапная смерть предводителя „умѣренныхъ республиканцевъ“ Франціи для многихъ его соотечественниковъ была тяжелою потерею, для многихъ другихъ — облегченіемъ опасностей. Друзья Кавеньяка прямо выразили свою печаль, но враги его не отважились обнаружить своей радости: боясь признаться въ шаткости своего положенія тѣмъ, когда выразятъ удовольствіе, что смерть Кавеньяка освободила ихъ отъ одного изъ ихъ страховъ, они поспѣшили принять видъ также огорченный и присоединить свои притворныя сожалѣнія къ искренней скорби друзей покойнаго. *Moniteur, Constitutionnel* и другіе органы декабрьской системы наровнѣ съ „чистыми республиканцами“ превознесли его „великія, безмѣрныя услуги“ Франціи, называя его даже „спасителемъ отечества.“

Но если многочисленны во Франціи друзья и противники партіи, предводителемъ которой былъ Кавеньякъ, то еще многочисленнѣе люди, смотрящіе на эту партію съ спокойнымъ безпристрастіемъ, какъ на историческое явленіе, уже отжившее свой вѣкъ, какъ на безцвѣтный остатокъ старины, безсильный въ будущемъ и на добро и на зло, обсуждающіе прошлую ея дѣятельность безъ всякаго увлеченія надеждами или опасеніями. Они думаютъ, что въ панегирикахъ надъ гробомъ Кавеньяка, внушенныхъ однимъ искренностью чувства, другимъ — соображе-

ніями приличія и разсчетливости, гораздо больше реторики или ослѣпленія, нежели основательности. Они находятъ, что Кавеньякъ, заслуживавшій полнаго уваженія, какъ частный человѣкъ, качествами своего характера, вовсе не достоинъ ни удивленія, ни даже признательности, какъ государственный человѣкъ; что при всемъ своемъ желаніи быть полезнымъ родинѣ, онъ во время своего диктаторства принесъ ей гораздо больше вреда, нежели пользы, потому что убѣжденіямъ, руководившимъ его дѣйствіями, недоставало практичности, и дѣйствія его не соотвѣтствовали потребностямъ общества, которымъ привелось ему управлять. Его образъ мыслей испортилъ все дѣло. Высокая честность, энергическая воля, добрыя намѣренія — этихъ качествъ совершенно достаточно для почтенной дѣятельности въ размѣренномъ кругѣ частной жизни, гдѣ все опредѣляется обычными отношеніями и объясняется многочисленными примѣрами. Этими достоинствами обладалъ Кавеньякъ; но ихъ мало государственному человѣку, который постоянно находится въ отношеніяхъ очень многосложныхъ, въ положеніяхъ, неразрѣшимыхъ прежними случаями, потому что въ исторіи ничто не повторяется, и каждый моментъ ея имѣетъ свои особенныя требованія, свои особенныя условія, которыхъ не бывало прежде и не будетъ послѣ. Безъ достоинствъ, уважаемыхъ обществомъ въ частномъ человѣкѣ, государственный человѣкъ не будетъ полезенъ родинѣ; но кромѣ ихъ ему нужны еще другія, высшія достоинства. Онъ долженъ вѣрно понимать силы и стремленія каждаго изъ элементовъ, движущихъ обществомъ; долженъ понимать, съ какими изъ нихъ онъ можетъ вступать въ союзъ для достиженія своихъ добрыхъ цѣлей; долженъ умѣть давать удовлетвореніе законнѣйшимъ и сильнѣйшимъ изъ интересовъ общества, какъ потому, что удовлетворенія имъ требуетъ справедливость и общественная польза, такъ и потому, что только опираясь на эти сильнѣйшіе интересы, онъ будетъ

имѣть въ своихъ рукахъ власть надъ событіями. Безъ того, его дѣятельность истощится на безславную для него, вредную для общества борьбу; общественные интересы, отвергаемые имъ, возстанутъ противъ него, и результатомъ будутъ только безплодныя стѣснительныя мѣры, которыя необходимо приводятъ или къ упадку государственной жизни, или къ паденію правительственной системы, чаще всего къ тому и другому вмѣстѣ. Такъ было и съ Кавеньякомъ. Онъ надѣлалъ ошибокъ, которыя дорого стоили Франціи и низвергли его собственную власть. Въ немъ не было качествъ, нужныхъ государственному человѣку.

Не говоря теперь о томъ, хороши или дурны были цѣли Кавеньяка, скажемъ только, что имени государственнаго человѣка заслуживаетъ единственно тотъ правитель, который умѣетъ располагать свои дѣйствія сообразно этимъ цѣлямъ; а у Кавеньяка каждое правительственное дѣйствіе противорѣчило его цѣлямъ, служило въ пользу не ему, а его противникамъ. Вся его государственная дѣятельность обратилась только въ пользу Луи-Наполеону. Тотъ плохой государственный человѣкъ, кто работаетъ во вредъ себѣ, въ выгоду своимъ противникамъ.

Но отвѣтственность за ошибки Кавеньяка не должна падать исключительно на него. Она падаетъ на всю ту партію, представителемъ которой онъ былъ, потому что онъ дѣйствовалъ не по личнымъ своимъ разсчетамъ и выгодамъ, а только какъ служитель извѣстнаго образа мыслей, общаго ему со всею партіею „чистыхъ республиканцевъ“; онъ постоянно руководился мнѣніями этой партіи; ошибки его не его личныя ошибки, а заблужденія цѣлой партіи; ими обнаруживается несостоятельность для Франціи того образа мыслей, котораго онъ держался. „Чистые республиканцы“ забывали, что политическая форма держится только тѣмъ, когда служитъ средствомъ для удовлетворенія общественныхъ потребностей; они воображали, что слово „республика“ само по

себѣ чрезвычайно привлекательно для французской націи ; они хлопотали о формѣ, не считая нужнымъ позаботиться о томъ, чтобы форма принесла съ собою исполненіе желаній французскаго народа ; они мечтали, что народъ, не получая отъ формы никакихъ существенныхъ выгодъ для себя, станетъ защищать форму ради самой формы. И форма упала, неподдерживаемая народомъ.

Съ начала нынѣшняго вѣка, эта ошибка повторялась всѣми партіями, господствовавшими во Франціи. Каждая, увлекаясь своими формальными пристрастіями, воображала, что и нація раздѣляетъ ея пристрастіе къ извѣстной формѣ ради самой формы, между тѣмъ, какъ нація съ восторгомъ привѣтствовала новую форму только потому, что ждала отъ нея блага себѣ ; каждая система воображала, что нація не можетъ жить безъ нея, и забывала о томъ, каковы были ожиданія націи. Ни отъ одной системы не дождалась Франція исполненія своихъ надеждъ, и какъ только распространялось въ націи мнѣніе, что система не оправдываетъ надеждъ, на нея возлагавшихся, система падала. Такъ покинутъ былъ сначала Наполеонъ, потомъ покинута Реставрація, потомъ іюльская династія, потомъ и республика Кавеньяка и его друзей. Изъ исторіи всѣхъ націй и всѣхъ эпохъ выводится точно такой же результатъ: форма держится, пока есть мнѣніе, что она приноситъ благо ; она падаетъ, какъ скоро распространяется мнѣніе, что она существуетъ только ради самой себя, не заботясь объ удовлетвореніи сильнѣйшихъ интересовъ общества. Форма падаетъ не силою своихъ враговъ, а единственно тогда, когда обнаруживается ея собственная безплодность для общества.

Исторія диктаторства Кавеньяка очень поучительна, потому что въ ней съ особенною ясностью раскрывается эта истина. Не силою своихъ враговъ, не стеченіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ пало правительство Кавеньяка и чистыхъ республиканцевъ : восторжествовавшій противникъ былъ совер-

шенно безсиленъ самъ по себѣ, всѣ обстоятельства благопріятствовали продолженію власти Кавеньяка уже во всякомъ случаѣ не менѣе, нежели возвышенію Луи-Наполеона; единственно ошибки Кавеньяка погубили его.

Правленіе Кавеньяка было, какъ мы сказали, правленіемъ партіи чистыхъ или умѣренныхъ республиканцевъ. Онъ сталъ ея предводителемъ конечно, благодаря, отчасти собственнымъ талантамъ; но еще болѣе обязанъ онъ своимъ возвышеніемъ въ этой партіи тому уваженію, которое имѣла она къ его отцу и, особенно, къ его старшему брату.

Отецъ диктатора, Жанъ-Батистъ Кавеньякъ, былъ сначала, какъ и многіе другіе политическіе люди Франціи, адвокатомъ. При началѣ первой революціи, онъ сдѣлался жаркимъ ея приверженцемъ, и былъ выбранъ членомъ Національнаго Конвента, въ которомъ поддерживалъ всѣ рѣшительныя мѣры, казавшіяся тогда нужными для борьбы съ вандейцами, эмигрантами и европейскою коалиціею. Нѣсколько разъ онъ исполнялъ важныя порученія при арміи и въ провинціяхъ, и, всегда дѣйствуя твердо, не запятналъ, однако же, себя жестокостями, которыми повредили общему дѣлу нѣкоторые изъ его товарищей по убѣжденіямъ. Онъ оставилъ дѣтямъ имя, уважаемое французскими республиканцами, но знаменитость этому имени дали блистательные таланты его старшаго сына, Годфруа, который былъ однимъ годомъ старше втораго брата, впослѣдствіи сдѣлавшагося диктаторомъ Франціи.

Годфруа Кавеньякъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ публицистовъ французской республиканской партіи при Луи-Филиппѣ, былъ сперва, подобно отцу, адвокатомъ, и подобно отцу рано оставилъ для политической дѣятельности адвокатуру, которая, при его чрезвычайныхъ талантахъ, обѣщала ему огромныя богатства. Въ іюлѣ онъ сражался противъ Бурбоновъ; былъ очень недоволенъ, когда низверженіе Бурбоновъ послужило только къ возвышенію Луи-

Филиппа и одинъ изъ первыхъ началъ возставать противъ новой конституціонной формы. Черезъ годъ орлеанское правительство уже предало его суду, какъ президента республиканскаго общества „ Amis du Peuple “. Онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы громко объявить себя республиканцемъ,—рѣшимость, которую имѣли тогда очень немногіе, и которая тѣмъ больше доказывала силу его характера, что пылкая рѣчь въ защиту республики была имъ сказана передъ судомъ, уже за одно это признаніе имѣвшимъ власть осудить его. Заключенный потомъ въ тюрьму, онъ бѣжалъ изъ нея подземнымъ ходомъ, который тайкомъ былъ прорытъ въ его комнату изъ сосѣдняго дома. Товарищемъ его по тюрьмѣ и бѣгству былъ, между прочимъ, Арманъ Марра, впослѣдствіи содѣйствовавшій возвышенію его брата. Пять лѣтъ Годфруа прожилъ въ Англіи изгнанникомъ. Республиканская партія во Франціи была тогда еще очень слаба, и Луи-Филиппъ совершенно неразсчетливо придавалъ ей ожесточенными гоненіями важность, которой она безъ того не имѣла бы. Общественное мнѣніе, возмущенное излишествомъ этихъ гоненій, вынудило наконецъ амнистію политическимъ преступникамъ. Годфруа Кавеньякъ долго не хотѣлъ ею пользоваться; но крайніе республиканцы, находившіе, что *National*, до той поры важнѣйшій республиканскій журналъ, не довольно демократиченъ, убѣдили Годфруа возвратиться во Францію, чтобы быть главнымъ редакторомъ рѣшительнѣйшаго демократическаго журнала, который онъ вмѣстѣ съ Ледрю-Ролленомъ и сталъ издавать подъ именемъ *La Réforme*. Отличаясь отъ редакторовъ *National*'я большею рѣзкостью мнѣній, Годфруа Кавеньякъ былъ, однако, и отъ нихъ признаваемъ главою республиканской прессы во Франціи. Дѣйствительно, послѣ смерти Армана Карреля, она не имѣла столь даровитаго публициста. Изнуренный волненіями политической борьбы, Годфруа умеръ въ 1845 году, за три года до февральскихъ событій. Надъ могилою

его различныя партіи французскихъ республиканцевъ клялись забыть всѣ раздоры, ихъ раздѣлявшіе. Болѣе, нежели кто нибудь другой послѣ Армана Карреля, Годфруа Кавеньякъ способствовалъ распространенію республиканскихъ убѣжденій во Франціи при Луи-Филиппѣ, до 1845 года. Всѣ отдѣлы этой партіи чрезвычайно уважали его.

Эженъ Кавеньякъ, младшій его братъ и воспитанникъ по убѣжденіямъ, родился 15 декабря 1802 года. Окончивъ курсъ въ Политехнической школѣ, онъ сдѣлался офицеромъ; при іюльскихъ событіяхъ онъ первый въ своемъ полку объявилъ себя противъ Бурбоновъ; подобно брату, онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что іюльская революція кончилась въ пользу Луи-Филиппа, и вообще извѣстенъ былъ въ арміи, какъ ревностный республиканецъ. Думая поставить его въ затруднительное положеніе, полковникъ однажды предложилъ ему оффиціальный вопросъ, прикажетъ ли онъ своимъ солдатамъ стрѣлять по народу въ случаѣ возстанія противъ Луи-Филиппа. Кавеньякъ не колеблясь отвѣчалъ: „нѣтъ“. Правительство не могло оставить безъ наказанія офицера, который прямо отказывался защищать его, но съ тѣмъ вмѣстѣ не отваживалось и предать военному суду молодаго штабсъ-капитана, который уже пользовался большимъ уваженіемъ въ арміи. Дѣло кончилось тѣмъ, что полковнику сдѣлали выговоръ за неумѣстный вопросъ, а Кавеньяка перевели въ Алжирію. За республиканскій образъ мыслей, и въ особенности за то, что страшный Годфруа Кавеньякъ былъ его братъ, Эжену Кавеньяку всячески старались не давать хода, по возможности обходили его чинами, не смотря на блестящіе подвиги. Вотъ одинъ примѣръ. Первымъ замѣчательнымъ дѣломъ Кавеньяка была защита Тлемсена въ 1836—1837 годахъ. Оставленный въ этомъ отдаленномъ передовомъ укрѣпленіи съ однимъ батальономъ, безъ запасовъ провіанта и аммуниціи, онъ цѣлый годъ выдерживалъ блокаду и отбивалъ приступы многочисленныхъ арабскихъ отрядовъ,

терпя недостатокъ во всемъ. Продовольствіе доставалось гарнизону только съ битвы. Когда солдаты не могли получать полныхъ порцій, Кавеньякъ самъ бралъ себѣ порціи еще меньше солдатскихъ, своимъ примѣромъ ободряя ихъ терпѣть голодъ. Алжирская армія удивлялась геройской защитѣ форта, но правительство не хотѣло награждать республиканца и его отрядъ; всѣ представленія алжирскаго главнокомандующаго о наградахъ тлемсенскимъ офицерамъ были отвергаемы военнымъ министромъ. Наконецъ, нужно же было наградить Кавеньяка, — ему сказали, что онъ получитъ слѣдующій чинъ; онъ отвѣчалъ, что не пріметъ награды, если не будутъ награждены также всѣ офицеры его отряда. Мнѣніе арміи вынудило эту уступку у министерства.

Не смотря на всѣ затрудненія, дѣлаемыя министрами Луи-Филиппа служебной карьерѣ республиканца, бывшаго братомъ ненавистному Годфруа, Эженъ Кавеньякъ въ началѣ 1848 года былъ бригаднымъ генераломъ и губернаторомъ Оранской провинціи, потому что равно отличался и военными и административными дарованіями. О благосостояніи своихъ солдатъ онъ чрезвычайно заботился; арабы прозвали его „справедливымъ султаномъ“; въ арміи считался онъ однимъ изъ лучшихъ генераловъ и едвали не лучшимъ администраторомъ. Еслибъ не опальное его имя и не республиканскія мнѣнія, онъ вѣроятно подвинулся бы гораздо быстрѣе въ продолженіе своей 14-лѣтней воинской дѣятельности. Теперь пока онъ оставался не болѣе, какъ однимъ изъ генераловъ, занимавшихъ въ алжирскомъ управленіи вторыя мѣста послѣ генералъ-губернатора. Въ январѣ 1848 года никто не предполагалъ, чтобы скоро ему пришлось сдѣлаться значительнымъ человѣкомъ въ государствѣ.

Но событія 24-го февраля 1848 года передали управленіе Франціею въ руки республиканцевъ и господствующею во Временномъ Правительствѣ партіею была именно та партія, къ которой принадле-

жалъ по своимъ убѣжденіямъ Эженъ Кавеньякъ,— партія умѣренныхъ или чистыхъ республиканцевъ,— иначе, партія *National'я*. Эженъ Кавеньякъ, хотя и чрезвычайно любилъ брата, не былъ такимъ революціонеромъ, какъ Годфруа; онъ былъ, подобно ему, демократомъ, но вовсе не крайнимъ демократомъ. Именно таково было и большинство Временнаго Правительства,— Марра, Мари, Гарнье-Паже, Араго, Кремьё, Дюпонъ де л'Оръ. Всѣ они были друзьями Годфруа Кавеньяка, всѣ сохранили очень сильное уваженіе къ нему, хотя онъ иногда и упрекалъ ихъ за то, что они нѣсколько отставали отъ него.

Алжирская армія, въ которой принцы Орлеанскаго Дома имѣли многихъ людей, лично имъ преданныхъ и вообще пользовались популярностью, внушала Временному Правительству безпокойство въ первые дни новаго порядка вещей.

Надобно было отдать команду надъ нею испытанному республиканцу; изъ всѣхъ алжирскихъ генераловъ, ни на кого Временное Правительство не могло положиться съ такою увѣренностью, какъ на Кавеньяка, и однимъ изъ первыхъ декретовъ, подписанныхъ новыми правителями Франціи, было назначеніе Кавеньяка генералъ-губернаторомъ Алжиріи.

Онъ имѣлъ столько скромности и прямодушія, что самъ понялъ и откровенно высказалъ причину своего быстраго возвышенія въ прокламаціяхъ, обнародованныхъ имъ при вступленіи въ новую должность. „Вы, точно также какъ и я, говорилъ онъ въ прокламаціи къ жителямъ Алжира, знаете, что память о моемъ благородномъ братѣ, живущая между гражданами, меня избравшими, побудила ихъ вручить мнѣ управленіе дѣлами Алжиріи“.— Тоже самое выражалъ онъ и въ прокламаціи къ жителямъ Орана: „Моимъ назначеніемъ правительство хотѣло отъ имени націи почтить память доблестнаго гражданина, моего брата“.

Этимъ прямодушнымъ сознаніемъ очень хорошо опредѣляется и личный характеръ Кавеньяка и его

справедливое понятіе о степени своихъ достоинствъ. Онъ самъ указываетъ, что далеко не имѣетъ генія, какимъ отличался его старшій братъ; что если бы не блескъ, сообщенный его имени дѣятельностью брата, онъ не былъ бы замѣченъ, какъ человѣкъ, котораго надобно выдвинуть впередъ; но только человѣкъ, вполнѣ увѣренный, что своими достоинствами оправдаетъ выборъ, которымъ обязанъ постороннему обстоятельству — увѣренный, что никто не назоветъ его недостойнымъ занятаго имъ мѣста, можетъ такъ прямо и громко говорить, что еще больше, нежели самому себѣ, одолженъ онъ своимъ выборомъ заслугамъ другаго.

Вскорѣ представился Кавеньяку другой случай выказать рѣдкую честность своихъ правилъ. Жители Алжира хотѣли выбрать его своимъ представителемъ въ Національное Собраніе. Онъ рѣшительно отказался отъ этой чести, говоря, что его положеніе въ Алжиріи не позволяетъ ему принимать голоса, подаваемые въ его пользу его подчиненными. Онъ хотѣлъ сохранить себя совершенно чистымъ отъ всякаго подозрѣнія въ искательствѣ, въ честолюбіи, въ желаніи пользоваться данною ему властью для какой либо личной выгоды.

Парижское Временное Правительство давно знало безкорыстіе его характера, его недоступность никакимъ соблазнамъ. Алжирская армія уже доказала, что вовсе не имѣетъ намѣренія поднимать междоусобныя смуты: она безусловно покорилась правительству, признанному Франціею; Временное Правительство могло оставить Алжирію безъ Кавеньяка, воспользоваться его военными и административными талантами и рѣдкими качествами его характера въ должности, еще болѣе важной. Парижскіе работники, оружіемъ которыхъ восторжествовало возстаніе и въ іюлѣ 1830 и въ февралѣ 1848 года, волновались, не видя исполненія своихъ надеждъ отъ новаго правительства, поставленнаго ихъ содѣйствіемъ. Большинство Временнаго Правительства состояло изъ людей,

желавшихъ ограничить переворотъ 24 февраля чисто политическими преобразованіями, безъ измѣненій въ гражданскихъ отношеніяхъ между классомъ капиталистовъ съ одной стороны, классомъ живущимъ наемною работою съ другой стороны, — эти измѣненія казались невозможными большинству Временнаго Правительства, а между тѣмъ ихъ требовали парижскіе работники, поддерживаемые полнымъ сочувствіемъ своихъ сотоварищей по всей Франціи. Для сопротивленія имъ, большинству Временнаго Правительства, нужно было имѣть и сильное войско и хорошаго военнаго министра, на котораго могло бы оно положиться. Въ правленіе Луи-Филиппа, система подкуповъ и фаворитизма разстроила военную администрацію, какъ и всѣ отрасли государственнаго управленія; безпорядки военнаго управленія были таковы, что новое правительство не нашло въ концѣ февраля 20,000 человѣкъ, готовыхъ къ открытію кампаніи въ случаѣ внѣшней войны, хотя армія считала 400,000 солдатъ. Нуженъ былъ хорошій администраторъ для поправленія этихъ безпорядковъ. Но потребность въ арміи на случай внѣшней войны была въ глазахъ большинства Временнаго Правителъства еще не такою настоятельною нуждою, какъ необходимость приготовиться къ подавленію возстаній въ самомъ Парижѣ. Послѣ 24 февраля, войска, побѣжденныя инсургентами, были выведены изъ Парижа, какъ по требованію побѣдителей, опасавшихся реакціи, такъ и для того, чтобы эти войска, нравственно униженныя своимъ пораженіемъ, могли оправиться духомъ вдали отъ улицъ, напоминавшихъ имъ о ихъ разбитіи. Нужно было теперь снова ввести сильный гарнизонъ въ Парижъ, сосредоточить войска въ окрестностяхъ столицы, сдѣлать заготовленія аммуниціи и т. д. на случай междоусобныхъ смутъ. Это могъ исполнить только такой военный министръ, который вполнѣ раздѣлялъ бы убѣжденія большинства Временнаго Правительства, потому что при малѣйшей нерѣшительности онъ легко могъ быть задер-

жанъ въ своихъ вооруженіяхъ усиліями меньшинства Временнаго Правительства, находившагося въ раздорѣ съ большинствомъ. Кромѣ всего этого, нужно было въ военномъ министрѣ совершенное безкорыстіе, чтобы онъ, имѣя въ своихъ рукахъ фактическую силу, не поддался обольщеніямъ властолюбія, остался вѣрнымъ сановникомъ правительства, а не покушался быть его властелиномъ. Всѣмъ этимъ условіямъ удовлетворялъ Кавеньякъ. Характеръ его представлялъ совершенное ручательство, что онъ не употребитъ противъ правительства силы, которую ему дадутъ; онъ былъ извѣстенъ, какъ хорошій генералъ и отличный администраторъ. Нашлись бы и кромѣ его генералы, обладающіе этими качествами, но было еще условіе, которому никто не соотвѣтствовалъ столько, какъ онъ. Много было генераловъ, съ радостью готовыхъ драться противъ „черни“; la canaille; но эти генералы были преданы Орлеанскому Дому и враждебны республикѣ; было нѣсколько и республиканскихъ генераловъ, — но почти всѣ они поколебались бы двинуть войска противъ своихъ соотечественниковъ. Кавеньякъ былъ несомнѣнный республиканецъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ готовъ былъ повести войско противъ гражданъ, сошедшихся принуждать республиканское правительство къ уступкамъ, которыхъ оно не хотѣло дѣлать. Не даромъ, когда жители Алжира выразили желаніе, чтобы въ Алжирѣ военное управленіе было замѣнено гражданскимъ, онъ сдѣлалъ имъ строгіе упреки и сказалъ: „Энергія, состоящая въ томъ, чтобы опираться на мнѣніе массъ, не исполняя своихъ обязанностей, гнусная энергія, я отвергаю ее. Самый дурной законъ лучше безпорядка“. Ему послали назначеніе явиться въ Парижъ, для принятія должности военнаго министра. Онъ сказалъ, что прійметъ ее только тогда, если ему позволено будетъ сосредоточить сильную армію около Парижа, — это было еще въ мартѣ, меньшинство Временнаго Правительства было тогда еще довольно сильно; оно воспротивилось этому требованію, соот-

вѣтствовавшему желаніямъ большинства, и Кавеньякъ отказался отъ министерскаго портфеля. Прошло два мѣсяца ; отчасти ошибочныя дѣйствія, еще болѣе нерѣшительность и бездѣйственность очень ослабили вліяніе меньшинства во Временномъ Правительствѣ; выборы въ Національное Собраніе, произведенные подъ впечатлѣніемъ этихъ ошибокъ и бездѣйственности, доставили рѣшительный перевѣсъ партіи умѣренныхъ республиканцевъ ; когда Временное Правительство сложило свою власть передъ Національнымъ Собраніемъ, Собраніе передало ее „ Исполнительной Коммиссіи “ изъ пяти членовъ, между которыми только одинъ не былъ изъ умѣренныхъ республиканцевъ ; они теперь стали полновластными правителями государства. Требованіе Кавеньяка сосредоточить сильное войско въ Парижѣ, прежде помѣшавшее вступленію его въ министерство, теперь было новою рекомендаціею для него, и когда онъ, избранный въ Національное Собраніе депутатомъ отъ департамента Ло, прибылъ въ Парижъ, Исполнительная Коммиссія тотчасъ же назначила его военнымъ министромъ (17 мая).

Въ Національномъ Собраніи онъ не былъ особенно блестящимъ ораторомъ, но дѣятельность его по управленію министерствомъ соотвѣтствовала надеждамъ, которыя имѣли на него умѣренные республиканцы. Онъ неутомимо заботился о томъ, чтобы имѣть наготовѣ такія силы, съ которыми можно было бы въ случаѣ возстанія подавить инсургентовъ.

Случай употребить въ дѣло собранныя силы незамедлилъ представиться. Съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ началъ Кавеньякъ свои приготовленія, возстаніе вспыхнуло, и вспыхнуло въ такихъ ужасающихъ размѣрахъ, какихъ не достигала еще ни одна междоусобная битва въ Парижѣ, видѣвшемъ такъ много страшныхъ междоусобицъ. Впродолженіе четырехъ мѣсяцевъ, легкомысленное бездѣйствіе и разнорѣчащія распоряженія Временнаго Правительства и его наслѣдницы, Исполнительной

Коммиссіи, раздражали массу, обманываемую въ своихъ надеждахъ, исполненіе которыхъ было ей формально обѣщано. Каковы были эти надежды, разумны или неразумны, все равно; дѣло въ томъ, что ихъ исполненіе было формально обѣщано, дѣло въ томъ, что были формально подтверждены ожиданія, — и когда гнѣвъ овладѣлъ людьми, не видѣвшими исполненія этимъ ожиданіямъ, когда отчаяніе овладѣло людьми, увидѣвшими, что у нихъ отнимается всякая надежда, удивляться тутъ нечему. Неудовольствіе массы росло съ каждымъ днемъ, и наконецъ мѣры, принятыя Исполнительною Коммиссіею по повелѣнію Національнаго Собранія для закрытія такъ называемыхъ „Національныхъ Мастерскихъ“ (Ateliers Nationaux) произвели взрывъ.

Исторія Національныхъ Мастерскихъ и трагическаго ихъ окончанія — самый печальный и вмѣстѣ самый нелѣпый эпизодъ въ печальной исторіи столь обильныхъ нелѣпостями событій, послѣдовавшихъ за февральскою революціею. Кого надобно винить за Національныя Мастерскія? — обстоятельства были такъ запутаны, ошибокъ было надѣлано столько всѣми партіями, участвовавшими въ управленіи Франціею послѣ 24 февраля, что ни одна изъ партій этихъ не можетъ похвалиться государственнымъ благоразуміемъ въ дѣлѣ Національныхъ Мастерскихъ, какъ увидимъ ниже. Но если отвѣтственность за гибельную нелѣпость должна падать преимущественно на тѣхъ людей, которыми она была придумана, которые завѣдывали ея исполненіемъ, которые не допускали другихъ сдѣлать ничего для ея отстраненія, то отвѣтственность за Національныя Мастерскія прямымъ образомъ падаетъ на партію чистыхъ республиканцевъ. Дѣло происходило такимъ образомъ.

Республика была провозглашена во Франціи по настоянію республиканцевъ и работниковъ. Республиканцы шли впереди, но ихъ требованія не имѣли бы никакой силы, если бы не были поддерживаемы работниками. Но работники увлекались вовсе не те-

оретическими разсужденіями о качествахъ республиканской формы политическаго устройства, — они хотѣли существенныхъ измѣненій въ своемъ матеріальномъ бытѣ, и когда республиканцы, достигшіе власти ихъ силою, показали видъ, что хотятъ ограничиться измѣненіемъ политической формы, работники потребовали отъ нихъ, на другой же и на третій же день послѣ побѣды, принятія мѣръ къ улучшенію матеріальнаго положенія нисшихъ классовъ. Способъ, которымъ работники предполагали улучшить свой бытъ, — учрежденіе промышленныхъ ассоціацій при вспоможеніи правительства, казался республиканцамъ химерою ; нелѣпою несообразностью съ ихъ понятіями о государствѣ казалось имъ и то право, которое во мнѣніи работниковъ служило основаніемъ этому способу, — именно „право на трудъ“ (droit au travail), — право каждаго, не находящаго себѣ работы у частныхъ промышленниковъ, получать эту работу отъ государства, которое такимъ образомъ обезпечивало бы средства для жизни каждому, желающему трудиться. Здравый смыслъ говорилъ, что если республиканцы не считали возможнымъ удовлетворить этимъ требованіямъ, они должны были рѣшительно отвергнуть ихъ. Но отвергнуть ихъ значило бы въ ту же минуту лишиться власти, потому что сами по себѣ, республиканцы были безсильны, и держались только тѣмъ, что опирались на работниковъ. Они рѣшились выпутаться изъ затрудненія обѣщаніями, разсчитывая выиграть время проволочками, надѣясь, что настойчивость работниковъ остынетъ мало по малу, что дѣла какъ нибудь уладятся счастливыми случайностями, что Временное Правительство впослѣдствіи пріобрѣтетъ силу воспротивиться работникамъ. Первая уступка состояла въ томъ, что на другой же день послѣ переворота, Временное Правительство издало декретъ (25 февраля), которымъ объявляло, что государство обязывается обезпечивать существованіе работника доставленіемъ ему работы въ случаѣ надобности, — „право на

трудъ“ было такимъ образомъ формально признано. Черезъ два дня, точнѣе сообразивъ убѣжденія республиканцевъ, работники увидѣли, что не будетъ принято Временнымъ Правительствомъ никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ къ исполненію этого обѣщанія, если исполненіе не будетъ предоставлено человѣку, раздѣляющему въ этомъ случаѣ идеи работниковъ — и снова явились (27 февраля), требуя, чтобы для этого дѣла было учреждено особенное „министерство прогресса“ и министромъ былъ назначенъ Луи-Бланъ, глава той соціальной школы, мнѣнія которой господствовали тогда между парижскими работниками. Луи-Бланъ былъ однимъ изъ одинадцати членовъ Временнаго Правительства, но не имѣлъ въ немъ никакой силы, встрѣчая безусловное сопротивленіе со стороны всѣхъ своихъ сотоварищей, кромѣ одного Альбера, который самъ принадлежалъ къ классу работниковъ. Поручить Луи-Блану министерство прогресса значило дать ему власть, значило облечь правительственною силою именно тѣ идеи, которыя девятерымъ изъ одинадцати членовъ Временнаго Правительства казались гибельною химерою. Оно не могло согласиться на это ; но не могло и совершенно отказать работникамъ ; и вотъ, оно придумало, вмѣсто министерства прогресса, учрежденіе „Правительственной Коммиссіи“ для работниковъ (Commission du Gouvernement pour les travailleurs); которая подъ предсѣдательствомъ Луи-Блана составляла бы проэкты законовъ для предложенія будущему Національному Собранію. Принявъ это порученіе, Луи-Бланъ въ свою очередь сдѣлалъ очень важную ошибку. Эта коммиссія, не имѣвшая никакой власти, учреждалась только для проволочки, съ цѣлью замять дѣло ; она обманывала работниковъ наружностью безъ всякаго дѣйствительнаго значенія. Нечего уже и говорить о томъ, что не имѣя административной власти, коммиссія не могла ничѣмъ облегчить состояніе работниковъ въ настоящемъ ; очевидно было, что и составлять проэкты законовъ

Временное Правительство поручало ей только въ той увѣренности, что они будутъ отвергнуты Національнымъ Собраніемъ,— да и самъ Луи-Бланъ зналъ это. Ясно было также, что во всякомъ случаѣ коммиссія вовсе не нужна для составленія законовъ,— ихъ гораздо легче и удобнѣе было бы обработывать безъ такой многосложной обстановки, какую должны были имѣть засѣданія коммиссіи. Луи-Бланъ видѣлъ, что коммиссія придумана только для того, чтобы Временному Правительству увернуться отъ требованія работниковъ. Ему слѣдовало отказаться отъ этого обманчиваго порученія. Онъ отказывался и говорилъ, что долженъ выйти изъ Временнаго Правительства, которое считаетъ его участіе во власти невозможнымъ. Но если бы онъ не согласился остаться въ Правительствѣ, если бы не принялъ порученія, работники въ тотъ же часъ поняли бы, что имъ нечего ждать отъ Временнаго Правительства, они возстали бы противъ него, произошли бы новыя смуты, быть можетъ новое междоусобіе. Это было представлено Луи-Блану его товарищами,— и онъ согласился принять порученіе, которое одно могло спасти правительство отъ разрыва съ работниками. Эту уступку съ его стороны можно приписывать слабости его характера, если думать, что онъ, подобно республиканцамъ, по убѣжденію не отвращался междоусобій. Но его образъ мыслей былъ таковъ, что насиліе ни въ какомъ случаѣ не можетъ вести ни къ чему хорошему, что все въ мірѣ лучше, нежели быть виновникомъ смутъ,— и потому очень можетъ быть, что онъ уклонился отъ разрыва не по недостатку характера, а напротивъ, по твердому убѣжденію въ томъ, что лучше отказаться отъ успѣха, нежели достигать его путемъ насилія. Въ самомъ дѣлѣ, Луи-Блану тогда нечего было бояться разрыва : въ случаѣ борьбы, побѣда несомнѣнно осталась бы на сторонѣ работниковъ, желавшихъ отдать власть въ его руки.

Но каковы бы ни были побужденія, заставившія Луи-Блана сдѣлать уступку, онъ уступилъ. Для ком-

миссіи, учрежденной подъ его предсѣдательствомъ, былъ отведенъ Люксамбургскій Дворецъ, въ которомъ двѣ недѣли тому назадъ засѣдала Палата Перовъ. Для участія въ совѣщаніяхъ о мѣрахъ, касающихся быта работниковъ, были избраны работниками всѣхъ промысловъ двѣсти пятьдесятъ депутатовъ. Но составлять проэкты законовъ, которые не имѣли вѣроятности пройти черезъ Національное Собраніе, было безполезно, и коммиссія скорѣе имѣла характеръ государственной аудиторіи, въ которой Луи-Бланъ излагалъ свою систему, нежели Законодательнаго Комитета. Главною цѣлью рѣчей Луи-Блана было внушить собравшимся около него депутатамъ работниковъ, что насиліемъ они ничего не выиграютъ, и должны надѣяться только на мирныя средства для улучшенія своей участи; что путь убѣжденія и законныхъ выборовъ — единственный вѣрный путь для исполненія ихъ желаній. Пока продолжались Люксамбургскія конференціи, онѣ болѣе нежели что нибудь другое удерживали работниковъ отъ насильственныхъ дѣйствій. Но съ другой стороны, онѣ составляли для работниковъ самое торжественное свидѣтельство обѣщаній правительства позаботиться объ ихъ участи. Мало того: работники необходимо приходили черезъ нихъ къ мысли, что законы и распоряженія, касающіяся положенія рабочаго класса, могутъ составляться не иначе, какъ по совѣщанію съ этимъ классомъ, съ его одобренія, при его участіи. Легко понять, какое впечатлѣніе послѣ такихъ идей долженъ былъ произвести на нихъ тотъ фактъ, когда потомъ вдругъ имъ объявили, что ни одна изъ ихъ надеждъ не можетъ быть исполнена, что они требуютъ нелѣпости, желая, чтобы правительство заботилось о рабочихъ хотя на половину того, какъ заботится о фабрикантахъ, и что они должны безпрекословно повиноваться всему, что имъ приказываютъ, оставляя ихъ, между прочимъ, безъ средствъ жизни.

Въ то время, какъ на Люксамбургскихъ конференціяхъ работники проникались высокими мыслями о

пріобрѣтенномъ ими участіи въ рѣшеніи вопросовъ касающихся ихъ быта, и безпрестанно вспоминали декреты Временнаго Правительства, обѣщавшаго доставленіе работы отъ государства тѣмъ рабочимъ, которые останутся безъ работы у частныхъ промышленниковъ, уже оказались естественныя слѣдствія всякаго государственнаго кризиса: торговыя дѣла пріостановились, произошло много банкротствъ, и оттого частные промышленники должны были сократить работу на своихъ фабрикахъ, а нѣкоторые даже вовсе закрыть ихъ. Произойти это должно было неизбѣжно: всегда и вездѣ за каждымъ государственнымъ кризисомъ слѣдуетъ промышленный. И въ Англіи, при гораздо меньшихъ усиліяхъ къ преобразованіямъ гораздо меньшимъ, бываетъ тоже: и парламентская реформа, и отмѣненіе хлѣбныхъ законовъ соединены были съ промышленными кризисами. Тоже было во Франціи и при началѣ Реставраціи, и послѣ іюльскаго переворота, и послѣ декабрьскаго переворота. Но если при этихъ послѣднихъ кризисахъ французское правительство могло оставлять на волю судьбы работниковъ, лишавшихся работы вслѣдствіе промышленнаго кризиса, нельзя было этого сдѣлать теперь: декретъ, признававшій право на трудъ, былъ еще у всѣхъ въ рукахъ; работникамъ еще принадлежало фактическое владычество въ Парижѣ, еще не имѣвшемъ гарнизона послѣ февральскихъ событій. Нельзя было не позаботиться о тѣхъ работникахъ, которые остались безъ хлѣба. Временное Правительство никакъ не хотѣло приступить въ самомъ дѣлѣ къ обѣщаннымъ преобразованіямъ экономическаго быта; а все таки необходимо было сдѣлать то, что должно было, по мнѣнію самыхъ работниковъ, быть только уже результатомъ этихъ преобразованій, — пришлось дать работу отъ правительства работникамъ, оставшимся безъ занятія на частныхъ фабрикахъ. Временное Правительство сдѣлало это такъ, какъ дѣлается все, дѣлаемое противъ желанія и убѣжденія, безъ знанія и обдуманности, — сдѣлало

такъ, что вышла совершенно нелѣпая путаница. Оно поручило одному изъ своихъ членовъ, принадлежавшему къ чисто республиканскому большинству и бывшему министромъ публичныхъ работъ, Мари, учредить „ Національныя Мастерскія“ для работниковъ, оставшихся безъ занятія. Имя „ Національныя Мастерскія“ было заимствовано изъ системы Луи-Блана, и потому люди, не знавшіе о самомъ фактѣ ничего, кромѣ его имени, утверждали потомъ, что „ Національныя Мастерскія“ произошли отъ него или его идей. Напротивъ, онѣ были учреждены его непримиримыми противниками, управлялись людьми, нарочно избранными для того за личную вражду противъ него, устроены были совершенно наперекоръ его понятіямъ и при всей обременительности своей для государства, при всей гибельности для частной промышленности, долго были пріятны Временному Правительству, искавшему въ нихъ опоры противъ Луи-Блана. Нелѣпѣе тѣхъ основаній, на которыхъ онѣ были созданы, невозможно ничего и придумать.

Надобно давать средства для жизни работникамъ (такъ разсчитывало Временное Правительство) — не потому, чтобы это было хорошо, напротивъ, это очень дурно ; но чтожь дѣлать, безъ этого произойдетъ возстаніе. Они говорятъ, что хотятъ работать ; но если имъ дать занятіе ихъ обыкновенною работою, это будетъ подрывомъ частной промышленности. Потому нельзя ткачамъ давать ткать матеріи, столярамъ дѣлать мебель : нужно дать имъ занятіе, которое не входило бы въ соперничество съ частною промышленностью.

На этихъ соображеніяхъ были устроены „ Національныя Мастерскія“. Единственная работа, которая не подрывала бы частной промышленности, состояла, по мнѣнію умѣренныхъ республиканцевъ, въ томъ, чтобы копать землю, — и всѣхъ этихъ людей : ювелировъ, фортепьянщиковъ, слесарей, портныхъ, ткачей, гравёровъ, наборщиковъ и т. д. обратили въ землекоповъ.

Копать землю — это прекрасно; но гдѣ взять землю, которую нужно копать? Въ Парижѣ производились различныя земляныя работы, особенно по постройкѣ дорогъ, мостовъ, укрѣпленій. Еще больше земляныхъ работъ предполагалось совершить современемъ. Казалось, почему бы не обратить людей „Національныхъ Мастерскихъ“ на эти дѣйствительно нужныя работы, если ужь они непремѣнно должны копать землю? Администрація Мастерскихъ обратилась къ инженерному вѣдомству, управлявшему всѣми земляными работами въ Парижѣ,— тутъ произошла вещь невѣроятно милая: инженерное вѣдомство постоянно было во враждѣ съ министерствомъ публичныхъ работъ;— бюрократическая ссора не постыдилась проявиться и тутъ, когда дѣло было такъ важно для государства: инженеры отвѣчали, что у нихъ нѣтъ никакихъ работъ для администраціи Національныхъ Мастерскихъ. Что оставалось дѣлать Мари? Вмѣсто того, чтобы призвать на помощь всю силу правительства для усмиренія нелѣпой вражды инженеровъ, онъ началъ придумывать самъ отъ себя работы,— нужныхъ работъ не придумало его министерство никакихъ, и Національныя Мастерскія были заняты совершенно пустымъ пересыпаніемъ земли съ одного мѣста на другое, потомъ опять съ этого втораго на первое,— такъ единственно для препровожденія времени. Это опять невѣроятно,— но дѣйствительно было такъ. Рабочіе Національныхъ Мастерскихъ сначала вырыли рвы и насыпали террасы на Марсовомъ полѣ, потомъ срыли опять террасы и засыпали рвы, потомъ снова принялись рыть тѣже рвы и насыпать террасы, и т. д.; подобными же упражненіями занимались они и на всѣхъ другихъ мѣстностяхъ Парижа, гдѣ только было можно потѣшаться лопатами и заступами.

За это совершеннѣйшее осуществленіе нашей поговорки о пересыпаніи изъ пустаго въ порожнее слѣдовало имъ получать плату отъ правительства. Такимъ образомъ умѣренные республиканцы удиви-

тельно разрѣшили задачу: содержать рабочихъ и заставлять ихъ трудиться, но такъ, чтобы ихъ трудъ не былъ соперничествомъ частной промышленности.

И сами рабочіе, и администраторы Національныхъ Мастерскихъ очень хорошо чувствовали, что ихъ занятіе — нелѣпая пародія труда. Не глупо ли токарю или каретнику копать землю? — заставлять его дѣлать это, значитъ просто заставлять его бездѣльничать. Да и вообще, заставлять человѣка дѣлать дѣло, совершенно ни для чего не нужное, только за тѣмъ, чтобы потомъ онъ могъ заняться раздѣлываніемъ сдѣланнаго — опять таки нелѣпость, которой долженъ совѣститься и работникъ и надзиратель. Потому очень скоро надзиратели бросили требовать отъ рабочихъ труда; рабочимъ стало омерзительна пошлая возня съ лопатами. По общему согласію тѣхъ и другихъ установилось, что весь процессъ „рабочаго дня“ состоитъ лишь въ томъ, чтобы явиться на мѣсто работы, какъ нибудь провесть на этомъ мѣстѣ назначенные часы, и отправиться назадъ по окончаніи ихъ, получивъ квитанцію за свое присутствіе въ назначенномъ мѣстѣ. Оно дѣйствительно такъ и слѣдовало по самой мысли учредителей.

Не одни люди рабочаго класса, но и люди всякаго званія предпочтутъ пользоваться деньгами за даромъ, если открывается возможность получать за даромъ столько же денегъ, сколько и за тяжелый трудъ. Когда въ Національныхъ Мастерскихъ стало нужно только прогуляться отъ сборнаго мѣста до какой нибудь площади по утру, и вечеромъ прогуляться съ этой площади назадъ до сборнаго мѣста, чтобы выдана была квитанція за такъ называемый „рабочій день“, а потомъ за эту квитанцію выдана была плата не менѣе той, какая давалась на фабрикахъ,— когда такимъ образомъ открыты были синекуры для работниковъ, само собою разумѣется, что работники стали покидать частныя фабрики для Національныхъ Мастерскихъ. И безъ того, вслѣдствіе нерѣшительныхъ,

двусмысленныхъ дѣйствій Временнаго Правительства, Парижъ волновался страхами всевозможныхъ родовъ, кредитъ падалъ, фабрикъ закрывалось все больше и больше; а тутъ, привлекаемые даровымъ жалованьемъ въ Національныхъ Мастерскихъ, многіе работники уходили и съ такихъ фабрикъ, которыя могли бы выдержать промышленный кризисъ. И вотъ, по обыкновенію, одно бѣдствіе порождало другое, и само потомъ увеличилось отъ его вліянія. Политическій кризисъ привелъ къ промышленному; промышленный кризисъ окончательно сбилъ съ толку Временное Правительство, и безъ того не слишкомъ мудрое; потерявшіе голову правители въ торопливомъ смущеніи основали широкое дѣло Національныхъ Мастерскихъ для облегченія зла, но основали въ такомъ нелѣпомъ видѣ, что отъ нихъ зло могло лишь увеличиваться; вслѣдствіе превратныхъ мѣръ правительства кризисъ возросталъ, и число людей въ Національныхъ Мастерскихъ увеличивалось съ страшною быстротою; одни шли туда потому, что не имѣли работы на фабрикахъ, другіе своимъ уходомъ принуждали закрывать фабрики и тѣмъ увлекали въ Національныя Мастерскія новыя толпы людей, лишавшихся работы. Въ началѣ марта, Національныя Мастерскія имѣли 20,000 работниковъ, дѣйствительно не находившихъ занятія на частныхъ фабрикахъ; въ серединѣ іюня, Національныя Мастерскія считали уже болѣе 150,000 работниковъ, изъ которыхъ нѣсколько десятковъ тысячъ сами бросили фабрики и тѣмъ лишили работы можетъ быть сотню тысячъ людей, вовсе не желавшихъ быть тунеядцами, но не видѣвшихъ себѣ другаго спасенія, кромѣ Національныхъ Мастерскихъ.

Расходъ государства на ихъ содержаніе былъ громаденъ: каждый мѣсяцъ Національныя Мастерскія поглощали нѣсколько милліоновъ, а работы совершалось ими очень мало, да и та не приносила пользы ни на грошъ, потому что тратилась на предметы вовсе не нужные. Мало того, что расходы эти составляли въ настоящемъ страшную тягость для казны:

въ будущемъ они угрожали еще большею раззоритель-ностью, потому что число людей въ Національныхъ Мастерскихъ умножалось съ каждымъ днемъ. Всѣ партіи съ одинаковымъ безпокойствомъ смотрѣли на эту колоссальную нелѣпость.

Всѣ партіи, сказали мы, — это выраженіе не совсѣмъ точно: представители партіи умѣренныхъ республиканцевъ во Временномъ Правительствѣ, наровнѣ со всѣми жалѣя о страшной растратѣ денегъ на Національныя Мастерскія, находили въ этомъ своемъ тупоумномъ порожденіи одну сторону, которая утѣшала ихъ за всѣ расходы. Національныя Мастерскія находились въ завѣдываніи министерства публичныхъ работъ, а министерствомъ этимъ управляли вѣрнѣйшіе люди умѣренно-республиканской партіи, сначала Мари, потомъ Трела. Администраторы мастерскихъ всѣ принадлежали къ той же партіи: Мари, который назначилъ этихъ агентовъ, былъ очень осмотрителенъ въ ихъ выборѣ. Особенно могла умѣренно-республиканская партія положиться на главнаго администратора мастерскихъ,— то былъ Эмиль Тома, чистѣйшій умѣренный республиканецъ, по убѣжденію смертельный врагъ всѣхъ крайнихъ партій, особенно соціалистовъ, сверхъ того личный врагъ Луи-Блана, который былъ тогда сильнѣйшимъ изъ предводителей соціалистовъ. Благородный и чрезвычайно гуманный, Эмиль Тома пользовался безграничною любовью людей, находившихся подъ его управленіемъ; онъ былъ очень обходителенъ съ работниками своими, заботливо вникалъ въ ихъ нужды, старался во всемъ помочь имъ на сколько отъ него зависѣло, занимался своими трудными обязанностями съ ревностью, доходившею до самоотверженія; его кроткій характеръ, его ласковая рѣчь, его обязательность привлекали къ нему толпы, находившіяся подъ его начальствомъ. Умѣренные республиканцы могли навѣрное разсчитывать, что его работники пойдутъ за нимъ, куда бы онъ ни повелъ ихъ.

Это служило имъ источникомъ великой отрады.

Въ Національныхъ Мастерскихъ умѣренные республиканцы видѣли сильнѣйшую свою опору противъ соціалистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, работники-депутаты Люксамбургскихъ конференцій, имѣвшіе громадное вліяніе на всѣхъ другихъ людей своего класса въ Парижѣ, были отвергаемы, осмѣиваемы, преслѣдуемы работниками Національныхъ Мастерскихъ ; многіе изъ этихъ депутатовъ были принуждены удалиться изъ мастерскихъ. Словомъ, между Люксамбургомъ и Національными Мастерскими не было и не могло быть ничего общаго. Возстаніе соціалистовъ грезилось умѣреннымъ республиканцамъ каждую ночь, каждый день, — но они съ нѣкоторою самоувѣренностью твердили себѣ: у насъ есть противъ такого возстанія громадная армія.

Въ самомъ дѣлѣ, Національныя Мастерскія съ тѣмъ и были устроены, чтобы служить арміею противъ соціалистовъ. Сообразно такому назначенію, эти Мастерскія были организованы по военной системѣ: каждыми десятью работниками начальствовалъ десятникъ (piqueur); пять десятковъ составляли взводъ (brigade) съ капраломъ (brigadier); нѣсколько бригадъ соединялось подъ начальствомъ поручика (lieutenant) и т. д.; у бригадъ и отрядовъ, изъ нихъ составлявшихся, были свои знамена ; къ сборному мѣсту шли работники изъ своихъ жилищъ военнымъ строемъ, съ знаменами ; еще церемоніальнѣе были ихъ марши отъ сборнаго мѣста до мѣста (такъ называемыхъ) работъ и обратно ; отъ сборнаго мѣста по домамъ они также расходились военнымъ порядкомъ. Само собой разумѣется, эти марши, знамена, это мелочное распредѣленіе по чиноначальству и проч. было бы совершенно неумѣстно, если бы Національныя Мастерскія устраивались только для прокормленія людей, не находящихъ себѣ работы ; но онѣ назначались также доставлять защитниковъ умѣреннымъ республиканцамъ, и этому назначенію совершенно соотвѣтствовала ихъ военная организація.

Но въ срединѣ іюня, умѣренные республиканцы

чувствовали себя уже столь сильными, что могли обойтись безъ помощи этихъ союзниковъ. Робость, овладѣвшая среднимъ и высшимъ классами послѣ февральскихъ событій, мало по малу разсѣявалась, когда они увидѣли, что нисшій классъ въ массѣ ожидаетъ улучшенія своей участи отъ закона, не прибѣгаетъ къ насилію ; что предводители этого класса, крайніе республиканцы и соціалисты, не захватываютъ силою диктатуру въ свои руки, а ожидаютъ достичь торжества путемъ порядка и законности. Этому спокойствію предводителей крайнихъ партій было много причинъ : уваженіе къ національной волѣ, выраженіе которой они видѣли въ установленномъ тогда Suffrage universel ; надежда, что результатъ этого всеобщаго права участвовать въ выборахъ будетъ благопріятенъ людямъ, которые считали себя защитниками интересовъ массы ; неувѣренность въ томъ, что городскіе пролетаріи будутъ поддержаны поселянами, Парижъ будетъ поддержанъ провинціями, если фабричные работники въ Парижѣ вздумаютъ возстать противъ буржуазіи; несогласія между различными школами и главными людьми этихъ школъ. Мы не можемъ рѣшить, какое изъ этихъ соображеній и затрудненій имѣло болѣе силы ; противники говорятъ, что эти люди удерживались опасеніемъ возстановить противъ себя всю Францію присвоеніемъ власти ; сами они говорятъ, что только добросовѣстное отвращеніе отъ насилій руководило ихъ дѣйствіями ; какъ бы то ни было, но они не прибѣгли къ насильственнымъ мѣрамъ, которыхъ ожидали отъ нихъ противники, — мало того, они всѣ свои усилія напрягали къ удержанію массы отъ всякаго насилія. За это противники сочли ихъ людьми, неумѣющими извлекать выгоду изъ обстоятельствъ, людьми неспособными къ практической дѣятельности ; дѣйствительно, они безъ всякихъ попытокъ присвоить себѣ власть дали пройти тѣмъ днямъ или недѣлямъ, когда могли быть страшны своимъ противникамъ, и противники ободрились.

Нѣкоторыя слабыя движенія, возбужденныя интригантами въ родѣ Бланки, увлекшими вслѣдъ за собою опрометчивыхъ фанатиковъ въ родѣ Барбе и Гюбера, послужили, однако же, поводомъ выставить честолюбцами, опасными для общественнаго спокойствія, и тѣхъ, которые на самомъ дѣлѣ старались предотвратить эти волненія. Нѣкоторыя ошибочныя мѣры, принятыя Временнымъ Правительствомъ противъ ихъ совѣта, были приписаны ихъ теоріямъ или желаніямъ. Такимъ образомъ, предводители крайнихъ партій были осуждаемы, и за волненіе 15 мая, когда клубы вторгнулись въ Національное Собраніе и хотѣли разогнать его, и за возвышеніе поземельнаго налога, декретированное умѣренными республиканцами, и за учрежденіе Національныхъ Мастерскихъ, происшедшее также вопреки ихъ мнѣніямъ и внѣ всякаго ихъ участія.

Такія обвиненія противорѣчили фактамъ, но факты тогда еще не были извѣстны въ истинномъ своемъ видѣ,— напротивъ, они доходили до всеобщаго свѣдѣнія искаженными или преувеличенными. Эти ложные слухи много содѣйствовали упадку меньшинства Временнаго Правительства и укрѣпленію власти большинства, состоявшаго изъ умѣренныхъ республиканцевъ. Но всего болѣе, конечно, произошло это просто вслѣдствіе естественнаго закона, по которому за напряженіемъ силъ слѣдуетъ усталость, по которому стремительный порывъ массъ быстро смѣняется обычною для нихъ дремотою, по которому люди неопытные безпечно успокоиваются послѣ перваго, обманчиваго успѣха. Масса, на сочувствіи которой основывалась сила крайнихъ партій, уже воображала себя совершенною побѣдительницею, она воображала, что противники, низвергнутые въ февралѣ, уже безсильны; что умѣренные республиканцы, союзники массы въ февралѣ, будутъ исполнять ея желанія, потому что сдѣлали на словахъ нѣсколько уступокъ этимъ желаніямъ.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, умѣ-

ренные республиканцы рѣшительно восторжествовали на выборахъ въ Національное Собраніе; крайнія партіи, и прежде имѣвшія мало вліянія на управленіе дѣлами, совершенно лишились его, когда съ открытіемъ Національнаго Собранія Временное Правительство сложило съ себя власть, и она была передана Исполнительной Коммиссіи, въ которой уже исключительно господствовали умѣренные республиканцы.

Теперь эта партія, до сихъ поръ стѣснявшаяся въ своихъ дѣйствіяхъ противорѣчіемъ меньшинства Временнаго Правительства, могла безпрепятственно принимать мѣры, казавшіяся ей нужными. Первою изъ этихъ мѣръ было призваніе сильныхъ отрядовъ войска въ Парижъ и его окрестности. Крайнія партіи опирались на парижскихъ работниковъ, — умѣренные республиканцы старались, какъ мы видѣли, подчинить этотъ классъ своему вліянію; но все таки, онъ имѣлъ другихъ предводителей, его желанія были въ сущности несогласны съ желаніями умѣренныхъ республиканцевъ, его требованія казались имъ гибельными для общества химерами; работники внушали сильное опасеніе умѣреннымъ республиканцамъ. Для обузданія этихъ многочисленныхъ недовольныхъ, необходимо было войско.

Когда сильное войско было сосредоточено въ Парижѣ и его окрестностяхъ, умѣренные республиканцы гораздо прямѣе, нежели прежде, начали говорить, что преобразованія, которыхъ желаютъ работники, нелѣпы, и правительство не можетъ исполнить ихъ. Разочарованіе овладѣло умами и тѣхъ изъ работниковъ, которые, до сихъ поръ, сохраняли надежду на то, что Національное Собраніе постановитъ законы, измѣняющіе матеріальное положеніе рабочаго класса. Предводители крайнихъ партій, по прежнему, убѣждали массу не прибѣгать къ насиліямъ, ожидать исполненія своихъ желаній отъ употребленія средствъ, которыя давались къ тому законнымъ правомъ участвовать въ выборахъ. Судя по всему, эти увѣщанія и собственное благоразуміе удержали бы нисшій

классъ отъ смутъ, если бы правительство не приступило къ уничтоженію Національныхъ Мастерскихъ способомъ столь же неблагоразумнымъ, какъ неблагоразуменъ былъ способъ ихъ учрежденія.

Правительство, теперь твердо, опиралось на армію. Ему уже можно было обойтись безъ союза съ защитниками ненадежными,— надобность, для которой до сихъ поръ содержались Національныя Мастерскія, прекратилась. Рѣшено было закрыть ихъ. Работники ихъ будутъ недовольны? Это не важность: при многочисленной арміи, они не посмѣютъ противиться.

И вотъ, для закрытія Національныхъ Мастерскихъ, приняты были быстрыя мѣры,— мѣры, въ которыхъ самонадѣянное легкомысліе страннымъ образомъ смѣшивалось съ трусливою торопливостью, грубая жестокость съ изворотливымъ коварствомъ.

Самый недальновидный человѣкъ могъ бы, по видимому, понять, что опасно вдругъ отнимать содержаніе у массы въ 150,000 человѣкъ, организованной подобно войску, не предоставивъ этимъ людямъ никакихъ другихъ средствъ къ существованію; но умѣренные республиканцы успокоивались надеждою на силу собранной ими арміи, и, безъ всякихъ церемоній, вдругъ объявили, что Національныя Мастерскія уничтожаются, потому что государство ие можетъ содержать на свой счетъ огромную толпу тунеядцевъ.

Прекрасно; но въ какомъ положеніи видѣли теперь себя эти 150,000 людей, которыхъ до сихъ поръ кормило правительство? Фабрики были закрыты; промышленный кризисъ продолжался, и не было даже надежды, что онъ скоро прекратится. Благоразуміе требовало бы отъ правительства, чтобы оно помогло фабрикамъ возобновить работу и распускало людей изъ Національныхъ Мастерскихъ только по мѣрѣ того, какъ они могли бы находить себѣ занятіе въ частной промышленности. Это не было сдѣлано. Занятій не могли они найти себѣ никакихъ. Они оставались безъ всякихъ средствъ къ существованію. Они могли только умирать съ голоду на улицахъ Парижа.

Неужели этого не предвидѣло правительство? Нѣтъ, предвидѣло, и потому приняло слѣдующія мѣры: молодымъ и здоровымъ людямъ предложило оно поступать въ солдаты, а тѣхъ, которые неспособны сдѣлаться хорошими солдатами, оно приказало развозить изъ Парижа по провинціальнымъ городамъ.

Легко было предугадать, какой видъ получатъ въ глазахъ работниковъ эти мѣры, которыя начали приводиться въ исполненіе безъ излишняго вниманія къ желанію или не желанію воспользоваться ими со стороны работниковъ. „Насъ насильно, противозаконно берутъ въ солдаты, — насъ насильно развозятъ по разнымъ городамъ, въ которыхъ также закрыты фабрики, въ которыхъ также нѣтъ намъ работы, въ которыхъ также останется намъ только умирать съ голоду, какъ и въ Парижѣ“ — иначе не могли думать несчастные.— „Насъ развозятъ затѣмъ, что въ соединеніи мы сильны, раздѣливъ насъ, они легче управятся съ нами, какъ хотятъ“.

Ясно было, что Эмиль Тома, при своемъ гуманномъ характерѣ, при своей заботливости объ участи людей, которыми управлялъ, не согласится быть исполнителемъ такихъ мѣръ. Онъ говорилъ, что нельзя такъ круто повернуть этого дѣла, что надобно приготовить занятіе распускаемымъ работникамъ, сокращать Національныя Мастерскія только по мѣрѣ пробужденія дѣятельности на частныхъ фабрикахъ, и т. п. И вотъ придумали новую мѣру, чтобы избавиться отъ него. Его призвали къ министру публичныхъ работъ (министромъ былъ тогда Трела; Мари, прежній министръ, былъ членомъ Исполнительной Коммиссіи, руководившей дѣйствіями министровъ), — министръ сказалъ ему, что для закрытія Національныхъ Мастерскихъ нуженъ администраторъ съ характеромъ болѣе твердымъ, что если работники узнаютъ объ его отрѣшеніи, они могутъ воспротивиться, собраться вокругъ прежняго любимаго начальника, надѣлать безпорядковъ. „Потому немедленно отправляйтесь изъ Парижа, такъ чтобы этого никто не зналъ, оста-

вайтесь въ провинціи, куда я посылаю васъ, пока здѣсь все будетъ кончено. Тогда я возвращу васъ въ Парижъ". Эмиль Тома доказывалъ, что его внезапное удаленіе встревожитъ работниковъ, усилитъ ихъ подозрѣнія, — напрасно. Онъ сказалъ, что по совѣсти не можетъ повиноваться, зная, что его удаленіе изъ Парижа будетъ имѣть гибельныя слѣдствія. Тогда министръ объявилъ, что принужденъ выслать его изъ Парижа насильно, — призвалъ чиновниковъ, которымъ поручилъ взять его подъ стражу и немедленно уѣхать съ нимъ изъ Парижа. Это было исполнено въ ту же минуту, и, для лучшаго сохраненія тайны, даже семейству Эмиля Тома не было сказано, куда онъ исчезъ.

Слѣдствіе было совершенно таково, какъ предсказывалъ онъ.

Любимый начальникъ, которому вѣрили, внезапно исчезъ — онъ пошелъ къ министру, и не возвращался болѣе. „Онъ брошенъ въ тюрьму, говорили одни работники, — онъ убитъ министромъ, говорили другіе. Это потому что онъ не хотѣлъ выдать насъ, — что же хотятъ сдѣлать съ нами? — какъ что, развѣ это не видно? Насъ пошлютъ въ Алжирію, гдѣ мы погибнемъ отъ климата и отъ кабиловъ; кого не пошлютъ въ Алжирію, кого не берутъ въ солдаты, тѣхъ насильно отвозятъ Богъ знаетъ куда, развозятъ по провинціямъ, чтобы легче было поодиначкѣ зажать намъ ротъ, подавить насъ; насъ бросятъ безъ всякихъ средствъ къ жизни, мы не найдемъ работы ни здѣсь, ни въ провинціяхъ — работъ нѣтъ нигдѣ. Мы обречены погибнуть отъ голода. Погибнуть отъ голода! А давно ли даны намъ обѣщанія, что каждый, не находящій работы въ частной промышленности, получитъ работу отъ правительства? Исполняя этотъ декретъ, правительство содержало насъ, пока не имѣло войскъ, — теперь оно имѣетъ войска, и хочетъ поступить съ нами такъ же, какъ поступалъ Гизо. Предатели, они хотятъ, чтобы мы погибали."

Въ самомъ дѣлѣ, если ни Гизо въ февралѣ, ни

Исполнительная Коммиссія и Національное Собраніе въ іюнѣ не хотѣли губить работниковъ для собственнаго удовольствія, то надобно было умѣреннымъ республиканцамъ признаться, что ихъ управленіе сдѣлало для исполненія требованій рабочаго класса ровно столько же, сколько и Гизо. Но Гизо, по крайнѣй мѣрѣ, не давалъ обѣщаній, а теперь дано было формальное обѣщаніе декретомъ Временнаго Правительства, еще за нѣсколько недѣль торжественно подтверждено рѣшеніемъ Національнаго Собранія, — надежды были пробуждены, оффиціально признаны справедливыми, — и вдругъ правительство совершенно отрекается отъ всякихъ обязательствъ, столько разъ данныхъ.

Сто-пятьдесятъ тысячъ человѣкъ оставляются безъ всякихъ средствъ къ существованію, — начальникъ, котораго они любили, коварно отнятъ у нихъ — ихъ насильно берутъ и увозятъ изъ Парижа, — имъ измѣнили. А между тѣмъ, они организованы подобно арміи, — неужели они отдадутся на жертву безъ сопротивленія?

Ошибки правительства привели къ неизбѣжной междоусобной войнѣ.

Въ тотъ же день, какъ было объявлено рѣшеніе Національнаго Собранія закрыть Національныя Мастерскія, какъ исчезъ Эмпль Тома и начались наборы работниковъ для поступленія въ солдаты и для разсѣянія по провинціямъ (22 іюня), работники послали депутатовъ протестовать противъ этихъ распоряженій. Членъ Исполнительной Коммиссіи, бывшій министръ публичныхъ работъ, Мари, принялъ депутатовъ очень дурно, и сказалъ, что работникамъ остается только одно — безусловно повиноваться.

На слѣдующее утро (23 іюня) вспыхнуло возстаніе. Цѣлый день оно усиливалось, и вечеромъ Національное Собраніе передало Исполнительную власть Кавеньку, который, какъ военный министръ, съ самого начала руководилъ дѣйствіями арміи.

Мы не будемъ разсказывать подробностей отчаянной борьбы, продолжавшейся три дня; насъ, вѣроят-

но и читателя также, интересуетъ не стратегическая сторона этого страшнаго междоусобія, а причины, его вызвавшія, характеръ его и слѣдствія, къ которымъ оно привело французскую націю.

Причины мы исчислили; нѣкоторымъ читателямъ, быть можетъ, покажется, что наше объясненіе неполно, что мы опустили изъ виду вліяніе клубовъ, интриги такъ называемыхъ демагоговъ, честолюбіе предводителей крайнихъ партій; дѣйствительно, всему этому приписывалъ очень большое участіе въ іюньскихъ событіяхъ отчетъ, составленный докладчикомъ слѣдственной коммиссіи, назначенной по этому дѣлу, Кентеномъ Бошаромъ; но этотъ докладъ, внушенный чувствомъ ненависти, давно отвергнутъ общественнымъ мнѣніемъ, и тогда же отвергался людьми безпристрастными и проницательными. Мы укажемъ одинъ случай и приведемъ одно свидѣтельство, чтобы читатель могъ судить о томъ, какъ смотрѣли еще тогда основательные и справедливые судьи на содержаніе этого доклада.

Слѣдственная коммиссія, составленная на половину изъ умѣренныхъ республиканцевъ, на половину изъ орлеанистовъ и легитимистовъ, которые ободрились послѣ іюньскихъ дней, главнымъ виновникомъ смутъ, обуревавшихъ Францію со времени провозглашенія республики до іюньскихъ дней, выставила Луи-Блана, на котораго сваливали также учрежденіе Національныхъ Мастерскихъ, устроенныхъ будто бы по его плану. Но Луи-Бланъ и Коссидьеръ, обвиняемый вмѣстѣ съ нимъ (хотя они были враги между собою), въ то время были представителями націи (членами Національнаго Собранія), а представители могли быть подвергаемы судебному преслѣдованію не иначе, какъ только съ разрѣшенія Собранія. Правительство потребовало этого разрѣшенія, — Собранію былъ предложенъ вопросъ: находитъ ли оно достаточные поводы подозрѣвать участіе Луи-Блана въ майскихъ и іюньскихъ событіяхъ и находитъ ли нужнымъ предать его суду. Огромное большинство отвѣчало: „да“.

Но въ числѣ меньшинства, находившаго обвиненіе неосновательнымъ и улики фальшивыми, былъ, между прочимъ, и Бастіа, извѣстный экономистъ, который всѣми силами боролся противъ ученій, имѣвшихъ тогда своимъ представителемъ Луи-Блана. Партія, къ которой принадлежалъ Бастіа, была скандализирована тѣмъ, что онъ подалъ голосъ въ оправданіе Луи-Блана, — но вотъ что онъ писалъ въ тотъ же вечеръ къ ближайшему изъ своихъ друзей, Кудре:

„Нынѣ на разсвѣтѣ рѣшено великое дѣло о докладѣ Слѣдственной Коммиссіи, такъ тяжело безпокоившее и Собраніе и Францію. Собраніе дало согласіе на судебное преслѣдованіе Луи-Блана и Коссидьера за участіе въ преступленіи 15 мая. У насъ, быть можетъ, удивятся, что въ этомъ дѣлѣ я подалъ голосъ противъ правительства. Я хотѣлъ было постоянно отдавать моимъ избирателямъ отчетъ въ соображеніяхъ, по которымъ подаю такъ, или иначе, голосъ по каждому дѣлу ; только недосугъ и нездоровье помѣшали мнѣ исполнить это ; но настоящій случай такъ важенъ, что я долженъ объяснить причины моего мнѣнія. Правительство считало отдачу подъ судъ этихъ двухъ представителей необходимостью ; говорили даже, что только этимъ оно можетъ удержать на своей сторонѣ національную гвардію, — но мнѣ казалось, что даже и это соображеніе не даетъ мнѣ права заглушить въ себѣ голоса совѣсти. Ты знаешь, что ученіе Луи-Блана не имѣло, быть можетъ, въ цѣлой Франціи противника болѣе рѣшительнаго, нежели я. Я убѣжденъ, что эти системы имѣли гибельное вліяніе на образъ мыслей и черезъ то на поступки работниковъ. Но развѣ мы должны были рѣшать вопросъ о справедливости его системы? Каждый человѣкъ, имѣющій какое нибудь убѣжденіе, по необходимости считаетъ гибельнымъ противное убѣжденіе. Когда католики жгли протестантовъ, они жгли ихъ потому, что считали ихъ образъ мыслей не только ошибочнымъ, но и опаснымъ. По этому принципу, намъ всѣмъ пришлось бы перерѣзать другъ друга.

„Итакъ, надобно было смотрѣть на то, дѣйствительно ли Луи-Бланъ виноватъ въ фактахъ заговора и возстанія? Мнѣ казался онъ не виновнымъ, и никто, прочитавъ его защитительную рѣчь, не можетъ не сказать, что онъ невиненъ. А между тѣмъ, я не могу не помнить, въ какихъ мы теперь обстоятельствахъ: у насъ осадное положеніе, правильная судебная власть отстранена, свобода отнята у журналовъ. Могъ ли я выдать двухъ представителей ихъ политическимъ противникамъ въ такое время, когда нѣтъ никакихъ гарантій? — это дѣло, которому я не могу содѣйствовать, это первый шагъ по пути, на который я не могу вступить.

„Я не осуждаю Кавеньяка за то, что онъ на время отмѣнилъ дѣйствіе всѣхъ законныхъ гарантій, я думаю, что эта печальная необходимость столь же прискорбна ему, какъ и намъ; притомъ, она можетъ быть оправдана тѣмъ, чѣмъ оправдывается все, — спасеніемъ общества. Но для спасенія общества требовалось ли, чтобы двое изъ нашихъ товарищей были преданы на жертву? Я не думаю. Напротивъ, мнѣ кажется, что такое дѣло можетъ только поселить между нами раздоръ, ожесточить ненависть, положить бездну между партіями, не только въ Собраніи, но и въ цѣлой Франціи; мнѣ казалось, что при настоящемъ положеніи внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлъ, когда нація страдаетъ, когда ей нужны порядокъ, довѣріе, прочныя учрежденія, единодушіе, — при такихъ обстоятельствахъ, не время ввергать въ раздоръ представителей націи. Мнѣ кажется, что лучше бы намъ забыть о нашихъ жалобахъ и непріятностяхъ, чтобы позаботиться о благѣ страны; потому я радовался, что нѣтъ ясныхъ фактовъ въ обвиненіе моихъ товарищей и что я не обязанъ выдавать ихъ.

„Большинство думало иначе. Дай Богъ, чтобы оно не ошиблось! дай Богъ, чтобы рѣшеніе, принятое нынѣ, не сдѣлалось гибельнымъ для республики!

„Если ты найдешь нужнымъ, я уполномочиваю

тебя послать отрывокъ изъ этого письма въ газеты."

Черезъ нѣсколько дней, возвращаясь къ тому же предмету въ другомъ письмѣ къ Кудре, Бастіа продолжаетъ:

„Говорятъ, что я уступилъ страху; страхъ былъ съ другой стороны. Или эти господа (избиратели департамента, представителемъ котораго былъ Бастіа) думаютъ, что для борьбы противъ страстей, овладѣвающихъ обществомъ, нужно въ Парижѣ менѣе мужества, нежели въ департаментахъ? Намъ грозили гнѣвомъ національной гвардіи, если мы отвергнемъ требованіе судебнаго преслѣдованія. Эта угроза выходила отъ людей, располагающихъ военною силою. Стало быть, страхъ могъ заставлять класть черные шары, но не бѣлые шары. Нужна высокая степень нелѣпости и тупости, чтобы вообразить, будто требуется особенное мужество для подачи голоса въ пользу той стороны, на которой стоитъ насиліе, армія, національная гвардія, большинство Національнаго Собранія, влеченіе обстоятельствъ, правительство.

„Читалъ ли ты слѣдственный актъ? читалъ ли ты показаніе бывшаго министра, Трела? Въ показаніи говорится: „Я былъ въ Клиши, я тамъ не видѣлъ Луи-Блана, не слышалъ, чтобы онъ былъ тамъ; но въ жестахъ, въ физіономіи, въ самыхъ звукахъ голоса работниковъ я видѣлъ слѣды того, что онъ былъ тамъ". Высказывалась ли когда нибудь политическая ненависть съ болѣе опасными тенденціями? Три четверти слѣдственнаго акта составлены въ такомъ духѣ!

„Словомъ сказать, по совѣсти.... я не думаю, чтобы Луи-Бланъ принималъ участіе въ майскомъ и іюньскомъ возмущеніяхъ, и этимъ объясняется, почему я подалъ голосъ противъ обвиненія."

Свидѣтельство Бастіа въ этомъ случаѣ не можетъ подлежать подозрѣнію; онъ былъ самый рѣзкій, самый отважный и самый сильный противникъ тѣхъ людей, которыхъ теперь хотѣлъ защитить отъ обвиненій.

Въ самомъ дѣлѣ, невозможно читать обвинитель-

ный актъ не видя, что онъ составленъ подъ вліяніемъ страха и ненависти. Эти чувства и прежде руководили дѣйствіями чистыхъ республиканцевъ относительно партій, раздѣлявшихъ съ ними власть отъ февраля до іюня ; подъ вліяніемъ этихъ чувствъ учредились и потомъ были закрыты Національныя Мастерскія, закрытіе которыхъ было ближайшимъ поводомъ междоусобія. Вліяніемъ этихъ чувствъ было и вообще создано то положеніе государственныхъ дѣлъ во Франціи, неизбѣжнымъ результатомъ котораго было междоусобіе. Другія причины, о которыхъ они такъ много говорили, или вовсе не существовали, или оказывали только ничтожное вліяніе. Предводители партій, благодріятствовавшихъ требованіямъ рабочаго класса, старались всѣми средствами удержать работниковъ въ предѣлахъ законности, старались отвратить ихъ отъ всякихъ попытокъ къ дѣйствію вооруженной силой ; многіе клубы дѣйствовали въ противномъ смыслѣ, но вліяніе ихъ на массу было незначительно ; наконецъ, ничего подобнаго заговору не было въ междоусобіи іюньскихъ дней : получивъ отказъ 22-го іюня ввечеру, работники условились открыто, на площади, что завтра возмутся за оружіе.

Именно, отсутствіемъ вліяній, чаще всего пробуждавшихъ безпокойства во Франціи, іюньское междоусобіе отличается отъ другихъ парижскихъ междоусобій ; въ этомъ отсутствіи обыкновенныхъ элементовъ мятежей и заключается тайна громадной силы, обнаруженной инсургентами іюньскихъ дней, и ужаса, произведеннаго этою рѣзнею. Массы шли на битву безъ всякихъ предводителей ; ни одного сколько нибудь извѣстнаго человѣка не было между инсургентами. Чего хотѣли они ? — это до сихъ поръ остается смутно для того, кто не считаетъ достаточнымъ объясненіемъ ихъ мятежа перспективу голодной смерти, открывшуюся передъ ними. То не были ни коммунисты, ни соціалисты, ни красные республиканцы, — эти партіи не участвовали въ битвахъ іюньскихъ дней ; чего хотѣли они ? — улучшенія своей участи;

но какими средствами могло быть улучшено положеніе рабочаго класса, если бы онъ одержалъ верхъ? Это было темно для самихъ инсургентовъ, и тѣмъ страшнѣе казались ихъ желанія противникамъ; чего же они хотѣли, если не были даже коммунистами? Отчаяніе — вотъ единственное объясненіе іюньскихъ дней, оно составляетъ отличительный характеръ этого возстанія. Инсургенты сражались не для ниспроверженія или установленія какой нибудь политической формы, — они не имѣли ни опредѣленнаго политическаго образа мыслей, ни опредѣлительныхъ требованій отъ правительства или общества, кромѣ одного требованія: они хотѣли имѣть работу и кусокъ хлѣба, доставляемый работою, и думали, что противники хотятъ истребить ихъ, чтобы не давать ни хлѣба, ни работы, столько разъ торжественно обѣщанной. Оттого то и дрались они съ такимъ отчаяннымъ мужествомъ. Ихъ было тысячъ сорокъ; далеко не всѣ работники Парижа, далеко не всѣ работники Національныхъ Мастерскихъ, взялись за оружіе: надежды на успѣхъ почти не было, инсургенты шли на погибель, почти несомнѣнную, и потому къ нимъ не присоединялся никто изъ работниковъ, сохранившихъ или хладнокровіе въ своей горести, или вѣроятность имѣть работу на фабрикахъ. За то, отважившіеся на битву почти безнадежную, дрались съ энергіею, какой не было ни въ іюлѣ 1830, ни въ февралѣ 1848 года. Противъ нихъ выведены были регулярныя войска, гораздо многочисленнѣйшія, выступила національная гвардія Парижа, еще болѣе многочисленная, выведена была „подвижная гвардія“, garde mobile, составленная изъ отчаянныхъ юношей парижской бездомной жизни, выдвинута была страшная артиллерія тяжелаго калибра,— всего было мало, постоянно прибывали по желѣзнымъ дорогамъ новыя войска и новые отряды національной гвардіи изъ всѣхъ городовъ Франціи, и только на четвертый день это громадное превосходство въ силахъ подавило мятежъ, — да и этою медленною побѣдою противники

инсургентовъ были обязаны только новой системѣ борьбы, которую Кавеньякъ примѣнилъ къ дѣлу съ рѣдкимъ искусствомъ и еще болѣе рѣдкою непоколебимостью.

Система эта состояла въ томъ, чтобы сосредоточивать огромныя силы на одномъ пунктѣ, избранномъ для наступательнаго движенія, держась на всѣхъ остальныхъ пунктахъ только въ оборонительномъ положеніи. Наступленіе имѣло первою цѣлью разорвать сообщеніе между различными частями города, бывшими въ рукахъ инсургентовъ; потомъ, когда эти отрѣзанныя одна отъ другой части не могли уже подавать помощи другъ другу, брать постепенно одну часть за другою. Знатоки военнаго дѣла говорятъ, что этотъ планъ былъ превосходно и задуманъ и исполненъ Кавеньякомъ, и что при всякой другой системѣ борьбы инсургенты на нѣкоторое время по всей вѣроятности овладѣли бы всѣмъ Парижемъ. Но и этой системѣ, доставившей побѣду, инсургенты долго противились съ такимъ успѣхомъ, что 25-го іюня, Кавеньякъ еще не ручался за побѣду и считалъ опасность столь великою, что вмѣстѣ съ президентомъ Національнаго Собранія принялъ мѣры перенести Собраніе и резиденцію правительства въ Сенъ-Клу или въ Версаль, еслибы инсургенты восторжествовали въ Парижѣ. Картечь, бомбы и ядра трое сутокъ осыпали кварталы, занятые инсугентами, — и только это страшное дѣйствіе артиллеріи доставляло перевѣсъ регулярному войску. Рукопашныя битвы были чрезвычайно упорны. Число убитыхъ, съ той и съ другой стороны, остается неизвѣстнымъ — правительство должно было уменьшать потерю своихъ защитниковъ и враговъ, но и оно показывало ее въ пять тысячъ; другія извѣстія говорятъ о десяти и болѣе тысячахъ, — и быть можетъ даже эта цифра не достигаетъ еще ужасной дѣйствительной потери. Ветераны наполеоновскихъ временъ говорили, что никакой штурмъ непріятельской крѣпости во времена первой имперіи не былъ такъ кровопроли-

тенъ. Есть положительный фактъ, слишкомъ достовѣрно свидѣтельствующій о вѣрности этого впечатлѣнія: изъ четырнадцати генераловъ, командовавшихъ войсками, шестеро были убиты, пять другихъ были ранены, и только трое уцѣлѣли, — да и изъ этихъ послѣднихъ подъ Ламорисьеромъ были убиты двѣ лошади.

Какъ полководецъ, Кавеньякъ въ эти страшные дни дѣйствовалъ превосходно. Всѣ знатоки военнаго дѣла утверждаютъ это. Кромѣ стратегическихъ талантовъ, онъ выказалъ качество еще болѣе рѣдкое, — непреклонную энергію воли, когда, не смотря ни на какія просьбы, внушаемыя нетерпѣніемъ, твердо слѣдовалъ своему плану, который одинъ могъ вести къ побѣдѣ, и дѣйствуя шагъ за шагомъ, не сдѣлалъ ни одного опрометчиваго движенія. Какъ частный человѣкъ, онъ также велъ себя безукоризненно: напрасно враги его обвиняли, что онъ употребилъ какія нибудь интриги для достиженія диктатуры: это низкая клевета; онъ вѣрно служилъ Исполнительной Коммиссіи, пока она существовала, и когда она была уничтожена Національнымъ Собраніемъ и вся власть передана ему, то было благоразумнымъ рѣшеніемъ самого Собранія, и ни самъ Кавеньякъ, ни его друзья не сдѣлали ни одного шага, чтобы внушить это рѣшеніе. По окончаніи битвы, онъ явился въ Собраніе, возвращая ему власть, которой былъ облеченъ на время битвы, и опять совершенно ничего не искалъ; — когда Собраніе просило его сохранить власть и сдѣлаться главою правительства, онъ, принявъ это высокое рѣшеніе, нимало не утратилъ простоты своихъ нравовъ, продолжалъ быть совершенно прежнимъ человѣкомъ и постоянно не только говорилъ, но и дѣйствовалъ совершенно сообразно сущности своихъ обязанностей, — всегда признавая себя только довѣреннымъ лицомъ Собранія, вручившаго ему власть, и ни разу не сдѣлавъ ни одного шага для того, чтобы расширить предѣлы этой власти или отказать въ повиновеніи Собранію, которое совершенно ввѣрилось

его честности. Словомъ, какъ частный человѣкъ, онъ выказалъ характеръ, достойный Вашингтона. Но, какъ государственный человѣкъ, Кавеньякъ, къ сожалѣнію, не обнаружилъ ни особенной проницательности, ни особенныхъ дарованій: подобно всей своей партіи, онъ поступалъ вовсе не предусмотрительно и не разсчетливо. Великимъ несчастіемъ для него и всей партіи было уже то, что ея ошибками дѣла были доведены до іюньскаго междоусобія; но въ этомъ не былъ виноватъ Кавеньякъ, — онъ не управлялъ государствомъ, не имѣлъ значительнаго вліянія на ходъ событій до іюня, — онъ ограничивался до той поры почти только своими спеціальными занятіями по должности военнаго министра, и управлялъ этою частью хорошо. Потому теперь, когда управленіе перешло въ руки его, человѣка, непричастнаго прежнимъ ошибкамъ, правительство умѣренныхъ республиканцевъ могло бы явиться передъ націею какъ бы отказавшимся, очищеннымъ отъ прежнихъ гибельныхъ промаховъ и возстановить свою популярность. Для этого, битву слѣдовало бы вести со всевозможною готовностью къ примиренію, и тогда генералъ, принявшій власть среди громовъ междоусобія, представился бы не столько побѣдителемъ одного класса свонхъ согражданъ во имя другихъ классовъ, сколько миротворцемъ. Но Кавеньякъ явился не болѣе, какъ только хорошимъ генераломъ, смотрящимъ на гражданскія дѣла глазами свонхъ политическихъ друзей; а политическіе друзья его, къ сожалѣнію, во всемъ считая себя правыми относительно прошедшаго, не находили въ самыхъ дѣйствіяхъ своего прежняго управленія объясненій возстанія, и потому считали это возстаніе возникшимъ единственно вслѣдствіе желаній, гибельныхъ для общества; они слишкомъ повѣрили своей фразѣ, которую любили повторять въ апрѣлѣ и маѣ: „ варвары у воротъ нашихъ “, — les barbares sont à nos portes; они увидѣли въ жалкихъ, голодныхъ работникахъ не несчастныхъ, доведенныхъ до безразсудной дерзости отчаяніемъ, а злодѣевъ, принявшихся

за оружіе чисто съ намѣреніемъ грабить и рѣзать. Сообразно такому понятію и повели они борьбу противъ нихъ, — не какъ противъ гражданъ, а будто противъ какихъ нибудь каннибаловъ, безпощадно, безжалостно. Наконецъ, инсургенты потеряли всякую надежду на успѣхъ. Это было на третій день возстанія, на другой день ожесточенной битвы, 25-го іюня. Въ этотъ моментъ возникали для умѣренныхъ республиканцевъ новыя соображенія, которыми долженъ былъ бы измѣниться характеръ слѣдующаго дня, если бы умѣренные республиканцы были предусмотрительны.

Надежды противниковъ уничтожены. Пусть прежде инсургенты заслуживали истребленія, какъ хищные звѣри; но слѣдуетъ ли теперь доканчивать ихъ истребленіе, когда они убѣдились въ неизбѣжности своего пораженія? Продолженіе борьбы, уже ненужной для отвращенія отъ себя опасности,— опасность уже отвращена, — не ведетъ ли умѣренныхъ республиканцевъ въ новую опасность?

Съ точки зрѣнія собственныхъ убѣжденій, они должны были принять въ соображеніе слѣдующіе факты. Они, умѣренные республиканцы, хотѣли утвердить во Франціи республиканскую форму правленія. Какой классъ націи былъ единственнымъ преданнымъ защитникомъ этой формы? Только классъ работниковъ; кромѣ работниковъ, искренними республиканцами были только немногіе отдѣльные люди, по своей малочисленности не могшіе удержаться противъ высшихъ классовъ и поселянъ, желавшихъ низверженія республики. Прежде, положимъ, работники увлекались гибельными химерами, — теперь исчезли ихъ надежды на осуществленіе этихъ другихъ желаній; изъ всѣхъ ихъ чувствъ, остается имѣющимъ практическую силу только преданность республиканской формѣ. Причины, ожесточившія умѣренныхъ республиканцевъ противъ нихъ, уже не существуютъ, существуетъ только одно общее обѣимъ сторонамъ стремленіе поддержать республику. Ясно было, что

умѣренные республиканцы должны были постараться прекратить борьбу съ ними. И каковъ будетъ результатъ, если борьба продолжится до истребленія противниковъ? Подавленъ будетъ классъ, который одинъ преданъ республиканской формѣ,— она останется беззащитна, она падетъ и съ нею умѣренные республиканцы погибнутъ сами.

Продолженіе борьбы было гибельно для нихъ. Они должны были искать примиренія съ укрощенными нынѣ вчерашними противниками.

Они не только не сдѣлали этого, они отвергли просьбу о примиреніи, или хотя просто о пощадѣ, съ которою пришли къ нимъ инсургенты.

Это было въ ночи съ 25 на 26 іюня. Къ президенту Національнаго Собранія Сенару и къ Кавеньяку явилась депутація инсургентовъ ; она говорила, что инсургенты сдадутся, если имъ дана будетъ амнистія. Умѣренные республиканцы отвѣчали устами Сенара и Кавеньяка, что это предложеніе — глупость, что покорность отъ инсургентовъ только тогда можетъ быть принята, когда они сдадутся безусловно, на жизнь и на смерть. „ Иначе нечего и хлопотать вамъ являться ко мнѣ“, сказалъ Кавеньякъ депутаціи : — „ я отвергаю всякія другія предложенія“.

Инсургенты могли ошибаться въ значеніи словъ „ безусловная сдача на волю побѣдителей“ : быть можетъ, умѣренные республиканцы послѣ этой сдачи оказались бы милостивѣе, нежели были до сихъ поръ; но инсургентамъ, натурально, могъ представляться въ ихъ требованіи только одинъ смыслъ, слишкомъ ясно показанный въ два предъидущіе дня безпощаднымъ употребленіемъ картечи, разстрѣливаніемъ инсургентовъ, попадавшихся въ плѣнъ, убійствами людей безоружныхъ, стариковъ и женщинъ, неистовствами подвижной гвардіи. Они въ отвѣтѣ Сенара и Кавеньяка не могли видѣть ничего иного, какъ требованіе идти подъ военный судъ, по законамъ котораго каждый инсургентъ подвергался разстрѣливанію. Умѣренные республиканцы должны были знать, что

иначе не можетъ быть понято ихъ требованіе. Отвергая просьбу о прощеніи, они сами говорили инсургентамъ: „теперь вамъ не остается уже ничего, кромѣ какъ биться до послѣдней капли крови, потому что пощады вамъ не будетъ".

То и случилось, къ чему принуждали они этимъ инсургентовъ. На слѣдующее утро (26 іюня) съ прежнею безпощадностью возобновилась битва, и кончилась въ половинѣ втораго часа пополудни совершеннымъ подавленіемъ инсургентовъ.

Истребляемые въ Парижѣ, они бѣжали изъ города, разсѣялись по окрестностямъ. Повсюду были посланы команды ловить ихъ. Ихъ находили попрятавшихся въ лѣсахъ, скитающихся по полямъ, и скоро парижскія тюрьмы переполнились плѣнными, переполнились ими казармы парижскихъ фортовъ, всѣ укрѣпленныя зданія въ Парижѣ, такъ что наконецъ пришлось набить ими даже подземный ходъ, который велъ изъ Тюльери къ Сенѣ и который устроилъ себѣ на случай бѣгства Луи-Филиппъ. Число этихъ военноплѣнныхъ простиралось до 14,000 человѣкъ.

Они всѣ были отданы подъ военный судъ, почти всѣ приговорены къ ссылкѣ, но еще до судебнаго приговора было уже сдѣлано распоряженіе о ссылкѣ ихъ: они были переведены на понтоны для отправленія въ ссылку. Можно вообразить себѣ, каковъ былъ военный судъ при такихъ наклонностяхъ умѣренныхъ республиканцевъ, при такомъ громадномъ числѣ подсудимыхъ, — это было то, что называется по французски судъ на скорую руку, justice sommaire.

Само собою разумѣется, что общественное мнѣніе, возмущенное этою ссылкою цѣлой массы народа, массы уже отправленной на понтоны безъ всякой формы суда, скоро принудило умѣренныхъ республиканцевъ къ уступкамъ. Мало по малу, стали выпускать съ понтоновъ одну партію плѣнныхъ за другою, но все еще, по прошествіи цѣлаго года, оставалось на понтонахъ нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Ни Орлеанское, ни Бурбонское правительство не

доходило до такого произвола. Съ того времени, какъ Наполеонъ въ началѣ своего владычества безъ суда отправилъ въ ссылку людей, ему опасныхъ, не бывало во Франціи подобныхъ примѣровъ. Но и наполеоновская ссылка была ничтожна передъ этою произвольною мѣрою: тогда подвергнуты были произвольному наказанію всего сто, полтораста человѣкъ,— теперь подвергались многія тысячи людей.

Надобно ли говорить, что въ этой ссылкѣ еще болѣе, нежели даже въ самой безпощадности битвы, выразилась неспособность умѣренныхъ республиканцевъ понимать свое положеніе, ихъ непредусмотрительность и безтактность? Государственнымъ человѣкомъ достоинъ называться только тотъ, въ комъ благоразуміе господствуетъ надъ увлеченіями страстей; но если мы даже извинимъ ослѣпленіе страстью во время борьбы, то по крайнѣй мѣрѣ по достиженіи совершенной побѣды, разсудокъ долженъ вступать въ свои права. Пусть умѣреннымъ республиканцамъ казалось нужно не только усмирить, но и совершенно обезсилить работниковъ. 26-го іюня это было сдѣлано, и военныя соображенія должны были уступить мѣсто правительственнымъ. Самое основное правило политическаго благоразумія говоритъ, что при внутреннихъ раздорахъ, побѣдоносная сторона можетъ укрѣплять свое господство только снисходительностью къ побѣжденной,— такъ дѣйствовали всѣ истинно государственные люди, отъ Юлія Цезаря до Наполеона. Умѣренные республиканцы не понимали этого. Если бы послѣ своего полнаго торжества они дали амнистію побѣжденнымъ, уже переставшимъ быть для нихъ опасными, они прикрыли бы этою мантіею милосердія многія свои ошибки, привлекли бы къ себѣ многихъ, отчужденныхъ междоусобіемъ. Они этого не сдѣлали, и озлобленіе, вселенное ожесточеніемъ битвы и ужасами побѣды, раздражалось и усиливалось холодною неумѣстностью напраснаго мщенія надъ людьми, которые уже не могли быть вредны побѣдителямъ.

Таково было положеніе дѣлъ, когда умѣренные республиканцы, съ диктатурою Кавеньяка, пріобрѣли безграничную власть во Франціи. Ужасенъ и противенъ всѣмъ понятіямъ, — не говоримъ уже законности, или гуманности, но — всѣмъ понятіямъ обыкновеннаго житейскаго смысла былъ путь, который привелъ ихъ къ этому господству. Все, въ чемъ нѣкогда обвиняли они предшествовавшія правительства, было совершено ими въ громаднѣйшихъ размѣрахъ. Убійства въ Трансноненской улицѣ, апрѣльскія судебныя преслѣдованія, за которыя они такъ осуждали Орлеанское правительство, были ничтожною шуткою сравнительно съ іюньскими убійствами, разстрѣливаніями и ссылкою цѣлыхъ массъ. Если бы кто нибудь сказалъ умѣреннымъ республиканцамъ наканунѣ февральскихъ событій, что они совершатъ такія дѣла для сохраненія власти, которую тогда готовились они пріобрѣсти, они съ негодованіемъ отвергли бы такое предсказаніе, какъ нелѣпый бредъ. А между тѣмъ, все совершившееся въ іюнѣ, было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ той системы, которая привела ихъ къ февральскому торжеству. Если бы предусмотрительность ихъ не была помрачена политическою страстью, они въ началѣ 1848 года видѣли бы, что начинаютъ игру слишкомъ двусмысленную и страшную, — игру, которая необходимо приведетъ ихъ, въ случаѣ успѣха, къ звѣрскому истребленію людей, которыхъ они тогда призывали на помощь себѣ.

Сами они были малочисленны и слабы въ началѣ 1848 года. Они одни не могли ничего сдѣлать противъ Орлеанскаго правительства, которое хотѣли низвергнуть. Они вздумали вступить въ союзъ съ работниками, и силою этого класса достигли своей цѣли.

Но чѣмъ они могли возбудить работниковъ? Работники желали не перемѣны политическихъ формъ, а преобразованій, которыми улучшилось бы ихъ общественное положеніе. И вотъ, республиканцы увѣрили ихъ, что эти улучшенія будутъ произведены республикою. Такою цѣною пріобрѣли они союзъ. Но могли ли

они въ самомъ дѣлѣ исполнить свои обѣщанія? Нѣтъ, желанія работниковъ признавали они несбыточными, гибельными химерами. При этомъ, благоразуменъ ли былъ союзъ? Онъ основывался на самообольщеніи съ обѣихъ сторонъ. Работники думали получить себѣ удовлетвореніе черезъ людей, которые въ сущности были также враждебны ихъ желаніямъ, какъ Гизо и Дюшатель. Умѣренные республиканцы воображали, что удержать работниковъ имъ будетъ также легко, какъ и возбудить ихъ. Извѣстно, каковы всегда бываютъ результаты союзовъ, основанныхъ на томъ, что одинъ союзникъ надѣется достичь цѣли, которая отвергается другимъ: эти союзы ведутъ къ смертельной враждѣ между союзниками. Такъ было и тутъ. Возбуждая надежды, которыхъ не могли удовлетворить, умѣренные республиканцы должны были знать, что имъ прійдется отвергать требованія, которымъ они льстили. Въ этихъ требованіяхъ работники видѣли вопросъ о жизни и смерти для себя — нельзя было неугадать, что для отверженія этихъ требованій нужна будетъ смертельная битва противъ работниковъ.

Но формалисты ничего не предвидятъ. Умѣренные республиканцы легкомысленно повели въ февралѣ противъ Орлеанскаго правительства людей, съ которыми еще гораздо менѣе могли ужиться въ согласіи, нежели съ Орлеанскимъ правительствомъ. Если бы они предвидѣли іюнь, они отказались бы отъ вражды противъ Орлеанскаго правительства въ февралѣ.

Исторія возвышенія партіи умѣренныхъ республиканцевъ представляется поразительнымъ примѣромъ того, какъ неизбѣжно осуществляется исторіею правило, внушаемое здравымъ смысломъ и такъ часто забываемое въ увлеченіи политическихъ страстей; нужно подумать о томъ, каковы существенныя желанія людей, прежде, нежели искать ихъ содѣйствія. Если бы работники и республиканцы понимали другъ друга, они ни въ какомъ случаѣ не начали бы вмѣстѣ дѣйствовать противъ Орлеанскаго правительства,

потому что между ними было противорѣчіе, еще болѣе важное, нежели причины ихъ недовольства министерствомъ Гизо.

Союзъ ихъ былъ ненатуралень, онъ привелъ къ нелѣпости, — нелѣпость въ историческихъ дѣйствіяхъ ведетъ къ событіямъ гибельнымъ для страны.

Правда и то, что противоестественный союзъ между партіями, смертельно враждебными по сущности своихъ желаній, былъ произведенъ столь же противными здравому смыслу дѣйствіями Гизо, его покровителей и партизановъ. Только ихъ самообольщеніе породило самообольщеніе въ противныхъ партіяхъ, — это очевидно для всякаго, кто припоминаетъ исторію временъ, предшествовавшихъ во Франціи февральскимъ событіямъ, и первая вина за ужасы, совершенные послѣ того, падаетъ на людей, которые довели дѣла Франціи до нелѣпаго положенія, породившаго февральскія событія. Здѣсь не мѣсто доказывать это, — мы хотѣли только изложить, какимъ рядомъ обмановъ и насилій умѣренные республиканцы должны были выпутываться изъ того фальшиваго положенія, въ которое стали для низверженія Орлеанской системы, — какія нелѣпости и ужасы были необходимымъ условіемъ утвержденія ихъ власти надъ Франціею. Теперь намъ должно разсказать вторую половину ихъ исторіи; — мы знаемъ, какимъ образомъ достигли они власти, теперь посмотримъ, какимъ образомъ потеряли они власть; за возвышеніемъ ихъ быстро послѣдовало паденіе, и мы увидимъ, что паденіе было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ тѣхъ фальшивыхъ или жестокихъ средствъ, которыми они достигли власти, и той несоотвѣтственности ихъ убѣжденій съ потребностями французскаго общества, которая съ самого начала дѣлала для нихъ невозможнымъ прямой и самостоятельный образъ дѣйствій.

II

Іюньская побѣда передала въ руки умѣренныхъ республиканцевъ всю правительственную власть надъ Франціею. Ужаснымъ путемъ достигли они до этого торжества, и мы видѣли, что неизбѣженъ былъ для нихъ этотъ путь послѣ той основной ошибки, которая сдѣлана въ началѣ 1848 года умѣренными республиканцами и парижскими работниками. Двѣ партіи, стремленія которыхъ были непримиримо противоположны, соединились тогда между собою для низверженія противниковъ, которые по своимъ убѣжденіямъ гораздо менѣе разнились отъ умѣренныхъ республиканцевъ, нежели умѣренные республиканцы отъ своихъ союзниковъ. Результатомъ обманчиваго союза на словахъ, при полнѣйшемъ разногласіи въ желаніяхъ, была неизбѣжная необходимость двумъ на время слившимся партіямъ, тотчасъ послѣ одержанной въ союзѣ побѣды, вступить между собою въ борьбу, гораздо болѣе серьезную, нежели та, въ которой общими силами они низвергли орлеанскую систему. Фальшивыя историческія положенія всегда дорого обходятся государству, но иногда бываютъ выгодны для тѣхъ, которые ставятъ въ нихъ государство,— это тогда, когда одна изъ партій, вступающихъ въ обманчивый союзъ, хитритъ и коварствуетъ. Но тутъ обѣ партіи дѣйствовали не по хитрому разсчету, а по соображеніямъ, при всей своей ошибочности, прямодушнымъ, и потому обѣ проиграли отъ ошибки, въ которую одна была увлечена другою. Парижскіе работники за союзъ съ умѣренными республиканцами расплатились тѣмъ, что надолго остались безъ куска хлѣба и тысячами погибли въ битвѣ, тысячами были брошены въ темницы. Умѣренные республиканцы поплатились тѣмъ, что пробудили ненависть къ себѣ во всѣхъ тѣхъ классахъ населенія, любовью которыхъ дорожили.

Очень трудно было положеніе умѣренныхъ республиканцевъ послѣ іюньскихъ дней, хотя вся правительственная власть была въ ихъ рукахъ. Сами по себѣ, они были малочисленны и слабы; они могли держаться только опираясь на другія партіи, которыя тогда всѣ сливались въ два большіе лагеря, почти поровну дѣлившіе между собою все народонаселеніе Франціи.

Съ одной стороны, соединились въ одну массу всѣ тѣ, идеалъ которыхъ былъ не въ будущемъ, а въ прошедшемъ. Нѣкогда они распадались на враждебныя партіи легитимистовъ и орлеанистовъ, смертельно ненавидѣвшія другъ друга. Но теперь вражда ихъ умолкла подъ грозою, одинаково страшною для всего, чѣмъ дорожили всѣ они одинаково. Въ прежнее время былъ между ними споръ о томъ, классу землевладѣльцевъ или классу капиталистовъ владычествовать во Франціи, фамильнымъ преданіямъ съ придворными нравами и феодальными стремленіями, или промышленной спекуляціи, съ биржевыми правилами и узкимъ либерализмомъ хитраго эгоизма. Теперь тотъ и другой интересъ подвергался одинаковой опасности, и для своего спасенія оба они слились въ одинъ интересъ — интересъ возвращенія господства надъ законами и администраціею тому, что называется превосходствомъ по имуществу или значительностью въ обществѣ. Люди, которымъ лично выгодно это возвращеніе, немногочисленны во Франціи. Но тогда каждый изъ нихъ имѣлъ за собою болѣе или менѣе значительное число кліентовъ, привыкшихъ слушаться или поставленныхъ въ необходимость повиноваться ему. Такъ, за капиталистами шли очень многіе изъ людей, зависѣвшихъ отъ нихъ по промышленнымъ дѣламъ и голосу ихъ слѣдовало большинство въ сословіи торгующихъ людей и рентьеровъ, хотя эти маленькіе люди, если бы ясно сознавали свои выгоды, могли бы замѣтить, что биржа и банкиры вовсе не представляютъ ихъ интересовъ. За большими землевладѣльцами во многихъ провинціяхъ шли поселяне;

по воспоминаніямъ феодальныхъ временъ и по ультрамонтанскимъ стремленіямъ за одно съ большими землевладѣльцами было католическое духовенство, пользовавшееся очень значительнымъ вліяніемъ на поселянъ. Такимъ образомъ, лагерь, желавшій возстановленія стараго порядка, располагалъ очень значительными силами.

Съ другой стороны были люди, желавшіе, какъ мы говорили, измѣненія въ матеріальныхъ отношеніяхъ сословій, желавшіе законодательныхъ и административныхъ мѣръ для улучшенія быта нисшихъ классовъ. Естественно было бы полагать, что вся масса простолюдиновъ станетъ на этой сторонѣ. Но знаніе о новыхъ мѣрахъ, предполагавшихся въ ихъ пользу, было распространено только между простолюдинами большихъ городовъ. Поселянинъ во Франціи ничего не читалъ, почти не встрѣчалъ образованныхъ людей, которые разсказали бы ему, въ чемъ дѣло. Потому реформаторы имѣли на своей сторонѣ только городскихъ простолюдиновъ; изъ сельскаго населенія, погруженнаго въ совершенное незнаніе, большая половина слѣдовала за своими обычными авторитетами, — землевладѣльцами и духовенствомъ, и только въ немногихъ, ближайшихъ къ большимъ городамъ, округахъ, поселяне сочувствовали идеямъ городскихъ простолюдиновъ.

Посрединѣ между этихъ двухъ огромныхъ лагерей стояла немногочисленная армія умѣренныхъ республиканцевъ. Съ тѣмъ и другимъ станомъ были у ней сильныя причины къ несогласію, но съ тѣмъ вмѣстѣ и важныя точки соприкосновенія, подававшія возможность къ сближенію.

Отъ партій, желавшихъ сохраненія общественнаго быта въ прежнемъ его видѣ, умѣренные республиканцы раздѣлялись воспоминаніями жестокой вражды съ конца прошлаго вѣка до низверженія орлеанской системы. Еще важнѣе было разногласіе въ мнѣніяхъ о формѣ правительства. Реакціонеры ужасались слова „республика“,— не потому, чтобы въ самомъ дѣлѣ

были искренними монархистами, а просто потому, что представляли республику осуществленіемъ безграничной демократіи.

Отъ реформаторовъ умѣренные республиканцы отдѣлялись также воспоминаніями о борьбѣ, которая была менѣе продолжительна, но еще болѣе жестока, нежели борьба съ реакціонерами; притомъ же и воспоминанія эти были свѣжѣе: послѣдній и самый страшный актъ борьбы только что совершился и прододжались еще его послѣдствія: осадное положеніе, арестъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, стѣсненіе газетъ, и т. д. О коренномъ разногласіи въ идеяхъ мы уже говорили: умѣренные республиканцы хотѣли остановиться на измѣненіи политической формы, реформаторы утверждали, что оно ничего не значитъ безъ измѣненія въ сословныхъ отношеніяхъ, которое умѣренные республиканцы вмѣстѣ съ монархистами называли нелѣпою и гибельною химерою.

Причины къ раздору были, какъ видимъ, чрезвычайно важны. Но отношенія между тремя лагерями по матеріальной силѣ были таковы, что ни одинъ самъ по себѣ не могъ управлять Франціею нормальнымъ и прочнымъ образомъ, — получить рѣшительный перевѣсъ въ обществѣ могла каждая изъ трехъ главныхъ партій не иначе, какъ въ союзѣ съ другою. Въ послѣдствіи времени были заключаемы такіе союзы, — значитъ они были возможны, не смотря на всю силу взаимныхъ несогласій. Такъ въ концѣ 1849 года умѣренные республиканцы дѣйствовали дружно съ реформаторами противъ реакціонеровъ, а позднѣе за одно съ монархистами противъ Луи-Наполеона. Но тотъ и другой союзъ былъ слишкомъ позденъ. Во-время враждебныя партіи не хотѣли и слышать о прекращеніи борьбы, которая поочередно погубила ихъ. Теперь насъ занимаетъ исторія умѣренныхъ республиканцевъ; потому, оставляя въ сторонѣ ошибки, сдѣланныя другими партіями, мы посмотримъ только, какія ошибки были причиною низверженія этой партіи.

Въ половинѣ 1848 года всѣ люди всѣхъ партій

одинаково чувствовали, что первой необходимостью для Франціи было учрежденіе прочнаго правительства. Прочность не зависѣла тутъ отъ имени и формы, а единственно отъ того, чтобы партія, которая управляла бы государствомъ, имѣла на своей сторонѣ рѣшительное и прочное большинство въ націи. Ни одна изъ партій, взятыхъ въ отдѣльности, не имѣла этого большинства, и всего менѣе могли обольщаться въ этомъ случаѣ умѣренные республиканцы, на каждомъ шагу получавшіе доказательства своей малочисленности. Кратчайшимъ путемъ къ полученію поддержки большинства былъ бы для нихъ прямой союзъ съ одною изъ двухъ многочисленныхъ партій. На какихъ условіяхъ былъ возможенъ тогда этотъ союзъ?

Реакціонеры ужасались слова республика вовсе не потому, чтобы были искренними монархистами: они скоро примкнули къ Луи-Наполеону, сопернику Бурбоновъ и Орлеанскаго Дома. Истинной привязанности къ монархической формѣ у бо̀льшей части изъ нихъ было такъ мало, что они съ удовольствіемъ согласились бы на республику, если бы только сохранилось въ этой республикѣ преобладаніе высшихъ классовъ. Отъ республиканской формы умѣренные республиканцы не могли бы отказаться ни въ какомъ случаѣ, но этой уступки пока отъ нихъ и не требовалось бы; возможна ли была уступка, которая дѣйствительно требовалась реакціонерами? Умѣренные республиканцы имѣли чрезвычайное пристрастіе называть себя демократами; вотъ именно эта-то прибавка къ слову республиканецъ и возмущала реакціонеровъ; а между тѣмъ былъ ли въ этой прибавкѣ какой нибудь реальный смыслъ? Было ли практическое значеніе? По правдѣ говоря, вовсе нѣтъ. Гордясь именемъ демократовъ, умѣренные республиканцы гнушались именемъ демагоговъ, а демагогами называли всѣхъ тѣхъ, которые хотѣли дѣйствовать возбужденіемъ массъ для достиженія цѣлей, сообразныхъ съ выгодами массъ. Какой же реальный смыслъ оставался послѣ того за именемъ демократъ? Тотъ, что умѣренные респу-

бликанцы не хотѣли допустить такого преобладанія аристократическихъ элементовъ, какое видѣли въ Англіи ; имъ больше нравилось устройство Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Но во Франціи аристократическіе элементы вовсе не имѣютъ той силы, какъ въ Англіи, и далеко не имѣли въ 1848 году притязанія сдѣлать изъ Франціи Англію ; все, чего въ сущности желали они, ограничивалось спокойствіемъ на улицахъ и сохраненіемъ прежнихъ сословныхъ отношеній. Въ сущности того же самого желали и умѣренные республиканцы. Къ чему же послѣ того было умѣреннымъ республиканцамъ такъ шумно кричать о своемъ демократизмѣ, запугивая этимъ громкимъ словомъ добрыхъ людей, не замѣчавшихъ, что демократъ становится пустѣйшимъ и безсильнѣйшимъ изъ людей, какъ скоро придумываетъ разницу межлу демократизмомъ и демагогіею? Неразсчетливо было со стороны умѣренныхъ республиканцевъ отталкивать отъ себя реакціонеровъ словомъ безъ реальнаго значенія ; неразсчетливо было и со стороны реакціонеровъ изъ-за пустой парадной похвальбы отстраняться отъ людей, у которыхъ за душой не было въ сущности ничего непримиримаго съ тогдашними потребностями реакціонеровъ.

Та и другая партія забывали объ одинаковости своихъ настоящихъ желаній изъ-за споровъ объ именахъ и историческихъ воспоминаніяхъ. Онѣ могли бы дѣйствовать дружно, но не хотѣли того. Реакціонеры непремѣнно хотѣли низвергнуть умѣренныхъ республиканцевъ изъ-за ихъ пустой претензіи на демократизмъ. Если умѣренные республиканцы никакъ не рѣшались отказаться отъ пустаго слова для привлеченія на свою сторону реакціонеровъ, то не могли ли они вступить въ союзъ съ реформаторами.

Тутъ недоразумѣніе было еще нелѣпѣе. Умѣренные республиканцы, восхищаясь своимъ демократизмомъ, еще съ большимъ усердіемъ кричали, что хоть они и демократы, но презираютъ и ужасаются демагоговъ. Крикъ о демагогахъ былъ такъ шуменъ и произво-

дился съ такимъ серьезнымъ выраженіемъ лица, какъ будто въ самомъ дѣлѣ, въ 1848 году, Франціи угрожали какіе нибудь Іоганны Лейденскіе и Томасы Мюнцеры, или, по крайнѣй мѣрѣ, Дантоны. А на самомъ дѣлѣ, каковы бы ни были идеи реформаторовъ, но сами реформаторы никакъ не должны были бы внушать ужаса, — справедливы или ошибочны, практичны или неосуществимы были ихъ мнѣнія, но сами по себѣ эти люди ни мало не походили на возмутителей, опасныхъ для спокойствія парижскихъ улицъ. Это были люди не уличныхъ волненій, а ученыхъ разсужденій въ тишинѣ кабинета, заваленнаго головоломными книгами; даже говорить въ многочисленномъ обществѣ очень немногіе изъ нихъ были способны, и почти каждый изъ нихъ былъ силенъ только съ перомъ въ рукѣ, за письменнымъ столомъ. Дѣйствія такихъ людей не могли въ сущности представлять ничего опаснаго для матеріальнаго порядка. Но быть можетъ, ихъ мнѣнія и требованія были неудобоисполнимы или опасны?

О ихъ общихъ теоріяхъ, мы не хотимъ здѣсь говорить потому, что не ихъ партія служитъ предметомъ нашей статьи: мы должны показать только ихъ отношенія, въ послѣдней половинѣ 1848 года, къ партіи, главою которой былъ Кавеньякъ. Послѣ іюньскихъ дней, тѣ силы, которыми могли бы осуществляться теоріи реформаторовъ, были сокрушены и надолго уничтожена всякая надежда реформаторовъ имѣть правительственную власть. Дѣла приняли такой оборотъ, что надобно было ждать чрезвычайнаго вліянія реакціонной партіи на ходъ событій. Требованія реформаторовъ не простирались уже до того, чтобъ ихъ теоріи приводились въ исполненіе правительствомъ; они почли бы себя чрезвычайно счастливыми уже и тогда, если бы хотя половина тѣхъ обѣщаній, которыя два-три мѣсяца тому назадъ давались не только умѣренными республиканцами, но и реакціонерами, была исполнена. И тутъ были громкія слова, служившія предметомъ споровъ, напримѣръ:

„право на трудъ“, но подъ громкими словами скрывались теперь требованія, самыя скромныя: хотя сколько нибудь дѣйствительной заботливости со стороны правительства о помощи стѣсненному положенію нисшихъ классовъ, и реформаторы были бы довольны. Не только умѣренные республиканцы, но и всѣ разсудительные люди между реакціонерами были убѣждены въ необходимости позаботиться объ улучшеніи быта нисшихъ классовъ. Въ большинствѣ и умѣренныхъ республиканцевъ и даже реакціонеровъ, это убѣжденіе было не только внушеніемъ разсчета, но и искреннимъ желаніемъ. Кромѣ немногихъ, нравственно-дурныхъ людей, всѣ желали позаботиться о распространеніи образованія между простолюдинами, объ улучшеніи ихъ квартиръ, объ улучшеніи мелкаго кредита, къ которому они прибѣгаютъ, объ избавленіи ихъ отъ ростовщиковъ и т. д. Между умѣренными республиканцами не было ни одного, который не имѣлъ бы этихъ желаній, а серьезной заботы объ исполненіи этихъ желаній было бы довольно для пріобрѣтенія поддержки со стороны реформаторовъ. Но вмѣсто того, чтобы заботиться о вещахъ, которыя всѣмъ казались и полезны и практичны, умѣренные республиканцы предпочли спорить противъ разныхъ призраковъ и проводили время въ опроверженіи требованій, которыхъ никто не предлагалъ, но существованіе которыхъ предполагалось умѣренными республиканцами. Самая простая, самая легкая мѣра вызывала противъ себя крики о невозможности и опасности, потому что подъ нею всегда предполагалась какая нибудь громадная теорія. Призракъ матеріальной демагогіи, за которую не хотѣлъ или не былъ способенъ приниматься ни одинъ изъ реформаторовъ, и призракъ утопическихъ теорій, которыхъ никто не хотѣлъ приводить въ исполненіе въ тогдашнее время, — эти нелѣпые призраки не давали умѣреннымъ республиканцамъ и подумать о союзѣ съ реформаторами, которыхъ имъ угодно было воображать себѣ съумасшедшими людоѣдами.

Такимъ образомъ, по существенному положенію серьезнаго дѣла, умѣреннымъ республиканцамъ былъ бы возможенъ союзъ съ какимъ угодно изъ двухъ враждебныхъ лагерей, раздѣлявшихъ между собою населеніе Франціи. Но отчасти воспоминаніе о прежнихъ причинахъ вражды, отчасти громкія слова, пугавшія воображаемымъ значеніемъ, котораго не имѣли, препятствовали сближенію. Вѣроятно, если бы въ партіи умѣренныхъ республиканцевъ предводители были великими государственными людьми, эти затрудненія были бы устранены своевременно и партія умѣренныхъ республиканцевъ пріобрѣла бы прочную опору себѣ или отъ реакціонеровъ, или отъ реформаторовъ, смотря потому, съ какимъ изъ этихъ лагерей нашла бы она болѣе точекъ одинаковости въ стремленіяхъ. Намъ кажется, что если бы умѣренными республиканцами руководили такіе люди, какъ Ришельё, Штейнъ или Робертъ Пиль, то она предпочла бы сближеніе съ реформаторами. Не смотря на всю жестокость іюньскихъ битвъ и слѣдовавшихъ за ними проскрипцій, реформаторы легче нежели реакціонеры, согласились бы поддерживать умѣренныхъ республиканцевъ: послѣ іюньскихъ дней, реакціонеры стали такъ самонадѣянны, что внушали уже чрезвычайно серьезныя опасенія реформаторамъ и, такимъ образомъ, самая жестокость пораженія, нанесеннаго реформаторамъ умѣренными республиканцами, заставляла этихъ послѣднихъ быть склонными къ поддержкѣ побѣдителей, за которыми выказывались грозныя полчища людей, одинаково враждебныхъ и побѣжденнымъ и побѣдителямъ. Но въ партіи умѣренныхъ республиканцевъ не доставало государственнаго благоразумія на вступленіе въ рѣшительный союзъ ни съ тою ни съ другой изъ партій, имѣвшихъ наиболѣе существеннаго могущества. Они вздумали держаться собственными силами. Ошибка эта была очень важна; она основывалась на странномъ самообольщеніи относительно своихъ силъ. Умѣренные республиканцы какъ будто не знали, что ихъ образъ

мыслей, основанный на теоретическихъ соображеніяхъ, а не на матеріальныхъ сословныхъ выгодахъ и потребностяхъ, по необходимости можетъ имѣть своими послѣдователями только небольшое число тѣхъ людей, которые дѣйствуютъ въ жизни не по требованію житейскихъ интересовъ, а по правиламъ отвлеченной теоріи; они воображали, что умозаключенія, а не интересы руководятъ людьми. Отъ людей, впадавшихъ въ такое отвлеченное заблужденіе, едва ли можно ожидать ловкаго практическаго образа дѣйствій; но если бы они дѣйствовали практично, то могли бы даже безъ союза съ сильнѣйшими партіями сдѣлать очень многое для утвержденія своихъ идей въ государственной жизни французской націи.

Положимъ, что они были совершенно неисправимы въ основномъ своемъ заблужденіи, въ томъ, что считали себя гораздо болѣе многочисленными, нежели какъ были на самомъ дѣлѣ; но все таки они очень хорошо знали, что слишкомъ значительная часть народонаселенія Франціи не сочувствуетъ ихъ политическимъ мнѣніямъ. Они должны были употребить всѣ заботы, чтобы увеличить число своихъ приверженцевъ. Пріобрѣтать прозелитовъ своимъ убѣжденіямъ вовсе не такъ легко, какъ находить союзниковъ своимъ интересамъ; но все таки искусный государственный человѣкъ можетъ довольно быстро распространить свои понятія въ массѣ, если будетъ заботиться объ удовлетвореніи тѣхъ матеріальныхъ потребностей націи, которыя не противны его убѣжденіямъ. Умѣренные республиканцы имѣли въ своихъ рукахъ правительственную власть, и при малѣйшемъ искусствѣ въ парламентской тактикѣ могли вѣрно разсчитывать на поддержку большинства въ Національномъ Собраніи; это было уже очень важное преимущество. Нѣсколько мѣсяцевъ имъ оставалось для того, чтобы укрѣпиться въ занимаемомъ ими положеніи, и если бы они съумѣли воспользоваться этимъ временемъ, они могли бы утвердиться довольно прочно. Люди, которые, управляя дѣлами нѣсколько

мѣсяцевъ, не будутъ въ концѣ ихъ гораздо сильнѣе, нежели были въ началѣ, неспособны управлять дѣлами.

Не вступая въ союзъ съ многочисленнѣйшими партіями, умѣренные республиканцы не должны были надѣяться на помощь отъ людей, предводительствовавшихъ этими партіями; но масса никогда не имѣетъ непоколебимыхъ и ясныхъ политическихъ убѣжденій; она слѣдуетъ впечатлѣніямъ, какія производятся отдѣльными событіями и отдѣльными важными мѣрами. Эту массу могли бы привлечь къ себѣ умѣренные республиканцы, если бы позаботились о томъ, чтобы ихъ управленіе производило выгодныя впечатлѣнія на массу и удовлетворяло тѣмъ ея желаніямъ, которыя могли они исполнить не измѣняя своему образу мыслей.

Государственный бюджетъ всегда составляетъ одну изъ самыхъ общихъ и сильныхъ причинъ довольства или недовольства въ массахъ. Франція жаловалась на обременительность податей; особенно силенъ былъ общій ропотъ противъ обременительныхъ налоговъ на соль и на вино и противъ пошлинъ, собираемыхъ въ городахъ съ съѣстныхъ припасовъ (octroi). Съ самаго Наполеона непрерывно шелъ этотъ ропотъ; каждое правительство, заботясь при своемъ началѣ о популярности, обѣщало отмѣнить налоги на соль и вино; ни одно не считало потомъ нужнымъ сдержать это обѣщаніе и при каждомъ переворотѣ одною изъ сильнѣйшихъ причинъ того глухаго неудовольствія, которое предшествовало волненію, былъ ропотъ на эти налоги. Соль и вино участвовали въ паденіи Наполеона, Бурбоновъ и Орлеанской династіи. Уничтожить городскія пошлины съ провизіи было бы не менѣе полезно: пока на нихъ ронтали только горожане, но за то отъ горожанъ зависѣла прочность правительства еще больше, нежели отъ поселянъ; при томъ, если существованіе этихъ пошлинъ не безпокоило поселянъ, то уничтоженіе ихъ скоро было бы признано за благодѣяніе и поселянами, потому

что увеличилось бы тогда потребленіе мяса, хлѣба и т. д. въ городахъ, стало быть развилась бы торговля сельскими продуктами. Налоги на соль и вино доставляли государству около двухъ сотъ милліоновъ франковъ, и при огромности французскаго бюджета было бы легко произвесть эту экономію; если же не хотѣли сокращать государственныхъ расходовъ, то желанія массы указывали источникъ, изъ котораго было бы легко съ избыткомъ получать эти двѣсти милліоновъ. Какъ обременительны казались налоги на вино и соль, такъ напротивъ чрезвычайно популярно было бы учрежденіе подати съ капитала или съ дохода. Ничѣмъ нельзя было бы въ дѣлахъ финансовыхъ такъ угодить массѣ народа, какъ обращеніемъ косвенныхъ налоговъ въ прямые. Пошлины съ съѣстныхъ припасовъ поступали въ городскіе доходы,— эти пошлины также легко было бы замѣнить прямыми налогами.

Кромѣ постоянныхъ налоговъ, чрезвычайный ропотъ былъ возбужденъ нелѣпымъ временнымъ увеличеніемъ поземельнаго налога на 1848 годъ. Этотъ временный добавочный налогъ равнялся почти половинѣ основнаго налога и по смѣтѣ долженъ былъ доставить до двухъ сотъ милліоновъ франковъ, но на дѣлѣ доставилъ гораздо менѣе, потому что никто не хотѣлъ его платить. Въ первой статьѣ мы уже упоминали, что онъ былъ одною изъ главныхъ причинъ реакціи, обнаружившейся противъ февральскаго переворота. Надобно было отмѣнить эту неудачную мѣру, черезъ нѣсколько дней послѣ февральской революціи придуманную однимъ изъ умѣренныхъ республиканцевъ, Гарнье-Паже.

Эти облегченія были бы необходимы даже въ томъ случаѣ, если бы умѣренные республиканцы не хотѣли сокращать государственныхъ расходовъ,— въ такомъ случаѣ надобно было бы, какъ мы говорили, замѣнить уничтоженные косвенные налоги прямыми; но народныя желанія требовали значительнаго сокращенія бюджета, который былъ доведенъ до страшныхъ раз-

мѣровъ расточительнымъ управленіемъ Луи-Филиппа, при которомъ въ теченіи 18 лѣтъ государственные расходы и вмѣстѣ съ ними подати увеличились вдвое. Изъ 1800 милліоновъ франковъ надобно было бы довести расходы не болѣе какъ до 1200 милліоновъ. Благоразумные политико-экономисты видѣли въ этомъ государственную необходимость. Умѣренные республиканцы признавали справедливость ихъ словъ, но ничего важнаго не сдѣлали для исполненія этой необходимости.

Другимъ общимъ желаніемъ дѣльныхъ людей всѣхъ партій было отмѣненіе тѣхъ излишествъ административной централизаціи, которыя обременяли чиновниковъ и самымъ утомительнымъ образомъ стѣсняли дѣятельность частнаго человѣка, ровно никому не принося пользы и ни для чего не будучи нужны. Чтобы починить какой нибудь дрянный мостъ черезъ ручей въ какомъ нибудь селѣ, надобно было испрашивать разрѣшенія отъ министра. Постройка домовъ, мощеніе улицъ — для всего этого нужны были позволенія и предписанія отъ парижскаго правительства. Умѣренные республиканцы, конечно, понимали неудобства этого порядка, связывавшаго всю Францію, сами реакціонеры говорили объ этомъ благоразумно. Но и тутъ ничего не было сдѣлано.

Стѣснительныя мѣры, казавшіяся необходимостью послѣ іюньскихъ событій, лишали умѣренныхъ республиканцевъ популярности при началѣ управленія Кавеньяка. Ни одна изъ тѣхъ мѣръ, которыя мы сейчасъ перечислили, и которыя могли бы уменьшить эту непопулярность, не была принята правительствомъ умѣренныхъ республиканцевъ въ продолженіи трехъ или четырехъ мѣсяцевъ, слѣдовавшихъ за учрежденіемъ ихъ правительства. Быть можетъ, достаточнымъ извиненіемъ тому могли быть безчисленныя хлопоты и затрудненія, въ которыя впутывалось новое правительство; во всякомъ случаѣ, умѣренные республиканцы надѣялись черезъ нѣсколько времени продолжать свое управленіе лучше, нежели начали

его. Они надѣялись раньше или позже пріобрѣсть популярность, которой лишены были лѣтомъ и осенью 1848 года. Такимъ образомъ, по ихъ собственному мнѣнію, весь вопросъ состоялъ въ томъ, чтобы удержать за собою власть до той поры, когда пріобрѣтется ими популярность. Выиграть время — для нихъ было бы выиграть дѣло.

Было нѣсколько средствъ для нихъ продлить свою власть. Она вручена была Кавеньяку временнымъ образомъ отъ Національнаго Собранія и Національное Собраніе сначала не хотѣло торопить его прекращеніемъ этого положенія. Зная свою непопулярность въ настоящее время, умѣренные республиканцы могли бы прибѣгнуть къ средству, которое на долго упрочило бы ихъ тогдашнее положеніе и даже сдѣлало бы ихъ любимцами народа. Точно также, какъ и всѣ французы, они чувствовали желаніе, чтобы Франція заняла въ Западной Европѣ то первенствующее положеніе, которымъ пользовалась при Людовикѣ XIV и при Наполеонѣ. Они считали униженіемъ для Франціи трактаты 1815 года. Сосѣднія страны представляли много удобныхъ случаевъ для начатія войны на Рейнѣ или въ Италіи. Италія нуждалась въ помощи французовъ противъ австрійцевъ. Прирейнскія области Пруссіи и всѣ государства западной Германіи находились въ такомъ положеніи, что французская армія могла явиться въ Германію союзницею одной изъ партій, готовившихся вооруженною рукою рѣшать споръ о сохраненіи или измѣненіи порядка дѣлъ въ Германіи.

Но, не принимая никакой рѣшительной мѣры, Кавеньякъ и его друзья давали проходить одному мѣсяцу за другимъ, пока уже поздно было вознаграждать потерянное время. Чего же ждали они и на что надѣялись? Они, кажется, воображали, что все устроится по ихъ желанію однимъ магическимъ дѣйствіемъ тѣхъ громкихъ словъ, въ неотразимую очаровательность которыхъ они вѣрили ; они, кажется, предполагали, что Франція находитъ ихъ людьми необхо-

димыми, потому что они сохраняютъ порядокъ и съ тѣмъ вмѣстѣ защищаютъ слово республика, какъ будто бы слово республика могло восхищать само собою кого нибудь, кромѣ немногочисленныхъ и безсильныхъ теоретиковъ, и какъ будто реакціонеры не считались гораздо лучшими ревнителями порядка, нежели республиканцы.

Наконецъ, былъ еще одинъ путь для удержанія власти: можно было сохранять свое владычество при помощи фактической силы, отстраняя формальное выраженіе національныхъ желаній. Умѣренные республиканцы могли говорить, что партіи, раздѣляющія между собою Францію, находятся въ такой враждѣ между собою, изъ которой снова легко можетъ возникнуть междоусобная война при первомъ поводѣ къ тому (и это было бы правда); что потому оффиціальныя проявленія народной жизни, слишкомъ волнующія массу, какъ, напримѣръ, государственные выборы и особенно выборъ президента республики, должны быть отложены на нѣкоторое время, пока умы успокоятся. Они не сдѣлали этого, не умѣли вò-время предвидѣть результата, къ которому приведетъ выраженіе народныхъ симпатій и антипатій при тогдашней перепутанности понятій.

Умѣренные республиканцы не имѣли столько благоразумія, чтобы отсрочить на годъ или на полтора года выборъ президента республики. Но когда обнаружилось, что ихъ кандидатъ Кавеньякъ не имѣетъ вѣроятности быть избраннымъ, у нихъ оставалось еще средство въ значительной степени уменьшить вредныя для нихъ послѣдствія этой ошибки. Они уже предвидѣли, что исполнительная власть перейдетъ въ руки кандидата противныхъ имъ партій. Но въ Національномъ Собраніи, у котораго законодательная власть могла оставаться еще очень на долго, большинство принадлежало имъ. Политическій разсчетъ долженъ былъ говорить имъ, что слѣдуетъ какъ можно болѣе увеличить вліяніе законодательной власти и какъ можно болѣе подчинить ей ис-

полнительную. Они не сдѣлали и этого, пожертвовавъ и собственными выгодами, и спокойствіемъ государства отвлеченному соображенію о томъ, что исполнительная власть должна быть сильна и независима.

При самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ не могла бы удержать за собою власти партія, дѣйствовавшая такъ непредусмотрительно и нерѣшительно. Въ нѣсколько мѣсяцевъ постепенно исчезло то могущество, которое было утверждено за умѣренными республиканцами іюньскою побѣдою. Напрасно было бы винить въ томъ обстоятельства; если много было въ нихъ затруднительнаго и неблагопріятнаго, то еще больше было выгоднаго для умѣренныхъ республиканцевъ; сами по себѣ они были довольно слабы, но у нихъ въ рукахъ было все то могущество, которое дается государственною властью; притомъ же всѣ другія партіи, хотя и болѣе многочисленныя, были въ то время еще слабѣе умѣренныхъ республиканцевъ; однѣ изъ нихъ были поражены въ іюнѣ, другія въ февралѣ и ни одна не успѣла еще оправиться послѣ пораженія. Ихъ слабость доходила до безнадежности и не одна не отваживалась даже и предъявлять притязаній на то, чтобы заступить мѣсто умѣренныхъ республиканцевъ въ управленіи государствомъ. И когда пришло время борьбы за власть, единственнымъ опаснымъ соперникомъ умѣренныхъ республиканцевъ явился кандидатъ, тогда еще не имѣвшій никакого самостоятельнаго политическаго значенія и обязанный своимъ успѣхомъ преимущественно тому, что его поддерживали люди, въ сущности столько же враждебные ему, какъ и умѣреннымъ республиканцамъ, — поддерживали оттого, что считали его еще гораздо болѣе слабымъ, нежели были сами. При такомъ безсиліи соперниковъ, легко было бы надолго удержать за собою власть умѣреннымъ республиканцамъ, если бы они были хотя сколько нибудь практическими людьми. Но за блескомъ и шумомъ своихъ отвлеченныхъ формулъ они не видѣли и не слышали ничего, и каждое событіе

было для нихъ неожиданностью, которой они беззащитно уступали до тѣхъ поръ, пока наконецъ были совершенно оттѣснены отъ власти, которою не умѣли пользоваться.

Таковъ общій характеръ событій французской исторіи съ конца іюня до конца ноября 1848 года. Краткій обзоръ этихъ событій подтвердитъ старую истину, что непредусмотрительность и нерѣшительность въ государственныхъ дѣлахъ гибельны бываютъ и для государства и для людей, неумѣющихъ пользоваться властью.

По укрощеніи возстанія, Кавеньякъ явился въ Національное Собраніе и объявилъ, что возвращаетъ ему ту диктаторскую власть, которую получилъ отъ него на время битвы. Собраніе рѣшило, что опасность еще продолжается, и потому просило Кавеньяка оставаться главою правительства, предоставивъ ему право по своему усмотрѣнію составить министерство. Выборомъ министровъ и другихъ важнѣйшихъ сановниковъ Кавеньякъ и умѣренные республиканцы, имъ руководившіе, показали, какими ошибочными соображеніями руководились они, когда рѣшили, что диктатура должна быть продолжена. Большинство министровъ было взято изъ умѣренныхъ республиканцевъ, но нѣкоторые важнѣйшіе посты были ввѣрены людямъ изъ старинныхъ партій, управлявшихъ Франціею съ 1815 до 1848 года. Военнымъ министромъ былъ сдѣланъ Ламорисьеръ, другъ принцевъ Орлеанскаго дома. Этотъ выборъ не былъ впрочемъ опасенъ для республики: человѣкъ честный, Ламорисьеръ не интриговалъ противъ правительства, участникомъ котораго былъ. Гораздо больше опасности представляло назначеніе генерала Шангарнье комендантомъ парижской національной гвардіи: Шангарнье всячески хлопоталъ о возстановленіи системы, разрушенной въ февралѣ, и былъ извѣстенъ неумѣренностію своихъ реакціонныхъ стремленій. Выборъ его на столь важное мѣсто доказывалъ, что умѣренные республиканцы хотятъ опираться на реакціонеровъ,

что свою диктатуру они хотятъ направить исключительно противъ реформаторовъ, которыхъ однихъ считаютъ опасными для государственнаго порядка.

Это прямо обнаружилось рѣчами и дѣйствіями умѣренныхъ республиканцевъ въ Національномъ Собраніи, о которомъ пора намъ сказать нѣсколько словъ, потому что съ іюля до половины ноября отъ его рѣшенія зависѣли всѣ важнѣйшія дѣла.

Изъ девятисотъ „представителей народа“, составлявшихъ Національное Собраніе, до 350 человѣкъ принадлежали разнымъ реакціоннымъ партіямъ. Они сидѣли на правой сторонѣ залы. Около 300 человѣкъ, сидѣвшіе въ центрѣ, нѣсколько ближе къ лѣвой, нежели къ правой сторонѣ, были умѣренные республиканцы. Наконецъ лѣвую сторону занимали крайніе республиканцы и реформаторы, которыхъ находилось въ Собраніи до 250 человѣкъ. При такомъ распредѣленіи, большинство партій составлялось только посредствомъ соединенія двухъ партій изъ числа трехъ. Чтобы проводить свои мѣры, правительство, кромѣ прямыхъ своихъ приверженцевъ, должно было имѣть поддержку или отъ лѣвой стороны,— въ такомъ случаѣ предложенія правительства имѣли бы за себя большинство около 200 голосовъ, — или поддержку отъ правой стороны, и въ такомъ случаѣ большинство доходило бы до 400 голосовъ. Люди, незнакомые съ парламентскою тактикою, могутъ подумать, что при такомъ распредѣленіи голосовъ, для полученія поддержки съ той или другой стороны, центральная партія должна была дѣлать много уступокъ той партіи, голоса которой хочетъ имѣть. Вовсе нѣтъ; ни та, ни другая изъ крайнихъ партій не могла имѣть никакой надежды пріобрѣсть большинство своимъ собственнымъ мѣрамъ, потому что онѣ встрѣчали бы сопротивленіе въ обѣихъ остальныхъ партіяхъ, стало быть могли имѣть большинство только такія мѣры, которыя выходили бы отъ центральной партіи. Она могла по произволу выбрать себѣ поддержку съ той или съ другой стороны, и тутъ должно происходить

нѣчто подобное тому, какъ бываетъ при встрѣчѣ двухъ продавцевъ съ однимъ покупщикомъ : тотъ и другой продавецъ наперерывъ другъ передъ другомъ понижаетъ цѣну до послѣдней крайности и радъ довольствоваться самою незначительною выгодою.

Малѣйшее предпочтеніе, оказываемое центральною партіею правой сторонѣ надъ лѣвою, или наоборотъ, уже пріобрѣтаетъ ей голоса этой стороны. Мало того: нужно только, чтобы центральная партія выказывала больше нелюбви, напримѣръ, къ лѣвой сторонѣ, нежели къ правой, и правая сторона будетъ самымъ усерднымъ образомъ поддерживать центръ, хотя бы центръ и съ нею обходился очень сурово. Это преобладаніе центра въ рѣшеніи дѣлъ доходитъ до того, что искусные парламентскіе предводители, съ центральною партіею изъ 50 человѣкъ, могутъ управлять рѣшеніями собранія, состоящаго изъ 500 человѣкъ. Итакъ, умѣренные республиканцы, имѣя цѣлую третью часть голосовъ и занимая средину между двумя крайними партіями, почти равносильными, должны были рѣшительно господствовать въ Національномъ Собраніи. Имъ довольно было рѣшительно отталкивать отъ себя одну изъ этихъ партій, чтобы имѣть горячую поддержку со стороны другой. Какую же изъ двухъ партій будутъ они преслѣдовать? вотъ вопросъ, представлявшійся имъ послѣ іюньскихъ дней. Лѣвая сторона была лишена сильнѣйшихъ своихъ предводителей въ Парламентѣ и потеряла свою армію внѣ Парламента. Она не могла теперь быть опасна, какъ бы громко ни выражала свой гнѣвъ. Всякое снисхожденіе отъ центра, она приняла бы безъ всякихъ условій. Но центръ не видѣлъ настоящаго ; ему все чудились страшные призраки іюньскихъ дней ; онъ воображалъ, что завтра, послѣ завтра, могутъ снова стать на баррикаду сорокъ тысячъ пролетаріевъ, забывая, что уже не осталось въ Парижѣ пролетаріевъ, способныхъ драться. Умѣренные республиканцы воображали, что черезъ недѣлю послѣ Іены и Ауэрштета, пруссаки могли раз-

бить Наполеона, что Наполеонъ на другой день послѣ Ватерлоо могъ дать новую генеральную битву. Они твердили, что ужасаются страшныхъ замысловъ лѣвой стороны. Этимъ неразсчетливымъ выраженіемъ пустаго страха, они лишили себя всѣхъ выгодъ своего центральнаго положенія, объявивъ, что имъ нѣтъ выбора между правою и лѣвою стороною. Естественно, стала черезъ это въ очень выгодное положеніе правая сторона. Центръ объявлялъ, что она ему необходима и она могла дорого продавать свои голоса. Подъ вліяніемъ пустаго страха, центръ такъ сильно погнулся на правую сторону, что потерялъ всякое равновѣсіе и можно было увлекать его все дальше и дальше на право. А между тѣмъ опасность ему была послѣ іюньскихъ дней справа, а не слѣва. Силами реакціонеровъ была выиграна іюньская побѣда, и побѣдители, конечно, были гораздо требовательнѣе, нежели побѣжденные. Никакія уступки со стороны центра не удовлетворяли правую сторону ; съ каждымъ днемъ она дѣлалась все настойчивѣе, интриговала смѣлѣе и вынуждала у центра новыя уступки.

Возвращая диктатуру Кавеньяку, центръ прямо говорилъ, что эта диктатура направлена исключительно противъ лѣвой стороны и что для поддержанія своей власти онъ будетъ опираться исключительно на правую сторону. Онъ давалъ вѣру всѣмъ слухамъ о заговорахъ и замыслахъ лѣвой стороны и отвергалъ, какъ клевету, всѣ подобные слухи о правой сторонѣ, выставлялъ опасными всѣ мелкіе безпорядки, при которыхъ слышались крики, бывшіе лозунгомъ лѣвой стороны, и оправдывалъ всѣ подобные случаи, выходившіе съ правой стороны. Кавеньякъ запретилъ большую часть газетъ лѣвой стороны, хотя онѣ нападали только на людей и отдѣльныя распоряженія, а не на самую форму правительства тогдашней Франціи, и охранялъ всѣ газеты правой стороны, хотя онѣ открыто стремились къ низверженію той формы правительства, представителемъ и защитникомъ которой былъ онъ,— побѣжденная ре-

волюція представлялась ему болѣе серьезнымъ врагомъ, нежели побѣдоносная реакція. Скоро для обузданія лѣвой стороны были предложены центромъ три закона: по первому, каждая политическая газета была обязана внести въ казну 24,000 франковъ (6,000 р. с.), какъ обезпеченіе въ уплатѣ штрафовъ, которые могутъ быть на нее наложены; по второму назначались тяжелыя наказанія за газетныя статьи, противныя общественному порядку; по третьему, клубы подвергались строгому полицейскому надзору.

Этими законами совершенно разрушалось равновѣсіе между правою и лѣвою стороною въ средствахъ политической дѣятельности. Уже и прежде, правой сторонѣ было дано гораздо больше простора, нежели лѣвой; теперь послѣдняя была чрезвычайно стѣснена, между тѣмъ какъ до правой стороны новые законы вовсе не касались. Правая сторона была гораздо богаче лѣвой. Газеты правой стороны безъ хлопотъ взяли у своихъ патроновъ требуемыя обезпеченія: вмѣсто 24,000, каждая изъ нихъ, не стѣсняясь, нашла бы и 240,000 франковъ. Тѣ проступки, которые совершались газетами правой стороны, оставались безъ преслѣдованія, между тѣмъ какъ газеты противной партіи безпрестанно отдавались подъ судъ и осуждались на штрафы. Клубы для лѣвой стороны были тѣмъ, чѣмъ балы, большіе обѣды и фойе Оперы и Французскаго Театра для правой: преслѣдуя тѣ собранія, въ которыхъ разсуждали о политикѣ приверженцы лѣвой стороны, полиція предоставляла полнѣйшую свободу всѣмъ совѣщаніямъ правой стороны.

Просимъ читателя не забывать точки зрѣнія, съ которой мы излагаемъ событія. Мы говоримъ вовсе не о томъ, хороши или дурны были убѣжденія той или другой партіи. Наша цѣль вовсе не теоретическій разборъ различныхъ политическихъ убѣжденій, существовавшихъ во Франціи въ 1848 году; до нихъ намъ нѣтъ никакого дѣла; до нихъ мало дѣла даже и французамъ настоящаго времени: въ десять лѣтъ всѣ эти убѣжденія совершенно устарѣли и нѣтъ те-

перь во Франціи человѣка, который думалъ бы о вещахъ точно такъ, какъ думалъ въ 1848 году. Но если вопросы и обстоятельства въ различныхъ странахъ и въ разное время бываютъ различны, то правила благоразумія во всѣхъ странахъ вѣчно неизмѣнны. Только эта сторона событій, сохраняющая навсегда интересъ для жизни, интересуетъ насъ здѣсь. Каковы были мнѣнія умѣренныхъ республиканцевъ, намъ нѣтъ дѣла; мы хотимъ только знать, благоразумно ли поступали они; каковы были цѣли, которыя имѣли они въ виду,— вопросъ посторонній для насъ; намъ хочется только показать, что они не умѣли выбирать средствъ для достиженія цѣлей и изъ ихъ ошибокъ вывесть нѣкоторыя правила, въ родѣ знаменитаго латинскаго стиха, примѣняющагося ко всему, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ:

Quidquid agis, prudenter agas, et respice finem,—

„Что бы ты ни дѣлалъ, поступай благоразумно и разсчитывай послѣдствія своихъ поступковъ“. Быть можетъ, образъ мыслей умѣренныхъ республиканцевъ былъ вреденъ для государства; лично мы даже увѣрены въ этомъ. Быть можетъ, для Франціи было счастьемъ, что вмѣсто Кавеньяка, правителемъ Франціи сдѣлался Луи-Наполеонъ,— многіе говорятъ это. Мы вовсе не сравниваемъ этихъ двухъ людей по образу мыслей; мы разсматриваемъ только, до какой степени надобно приписать Кавеньяку и умѣреннымъ республиканцамъ торжество Луи-Наполеона, и находимъ, что они постоянно дѣйствовали въ пользу ему и во вредъ себѣ; а такъ какъ они хотѣли вовсе не того, то мы и находимъ, что они держали себя неразсчетливо; для того, чтобы обнаружить эту неразсчетливость, мы должны показывать, въ чемъ должны были бы состоять для нихъ внушенія благоразумія. Быть можетъ, правая сторона по образу мыслей была совершенно справедлива; но ея усиленіе вело ко вреду центра, потому и неразсчетливо поступалъ центръ, содѣйствуя ея возвышенію. Онъ долженъ былъ или самъ принять мнѣнія правой стороны, или бороться

съ нею,— онъ не сдѣлалъ ни того, ни другаго. Правая сторона усиливалась его помощью, а между тѣмъ продолжала ненавидѣть его, и съ каждымъ днемъ онъ долженъ былъ уступать шагъ за шагомъ власть врагамъ, которымъ самъ помогалъ.

Скоро правая сторона неудовольствовалась тѣмъ, что нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ правительствѣ отданы ей; она стала требовать, чтобы изъ министерства были удалены люди, ей не нравившіеся. Прежде другихъ былъ удаленъ въ угодность ей министръ народнаго просвѣщенія Карно, котораго реакціонеры не любили отчасти за его имя, отчасти за то, что онъ издавна былъ друженъ съ людьми, которые были подозрительны реакціонерамъ. Не прошло двухъ недѣль послѣ іюньской побѣды, какъ правая сторона уже потребовала его удаленія, и мѣсто его отдано человѣку правой стороны, извѣстному историку Волабеллю. Черезъ три мѣсяца, правая сторона снова потребовала отдачи своимъ предводителямъ еще двухъ мѣстъ въ министерствѣ. Сенаръ, министръ внутреннихъ дѣлъ, бывшій президентомъ Національнаго Собранія въ іюнѣ вмѣстѣ съ Кавеньякомъ, принималъ самыя крутыя мѣры для подавленія инсургентовъ. Тогда реакціонеры превозносили его; но въ началѣ октября уже не хотѣли терпѣть въ министерствѣ человѣка, котораго еще недавно называли однимъ изъ спасителей общества. Сенаръ долженъ былъ уступить мѣсто Дюфору, и его отверженіе правою стороною служило очень яснымъ предсказаніемъ, что скоро будетъ отвергнутъ ею и главный изъ іюньскихъ „спасителей общества“, Кавеньякъ. Дюфоръ, подобно Ламорисьеру, не интриговалъ по крайней мѣрѣ противъ порядка дѣлъ, существовавшаго тогда во Франціи. Но другой членъ правой стороны, вмѣстѣ съ нимъ вступившій въ министерство Кавеньяка, Вивьенъ, явно стремился къ низверженію правительства, въ которомъ сталъ участвовать.

Эту смѣну министровъ правая сторона уже не выпрашивала, какъ прежде: въ октябрѣ она стала

такъ смѣла, что уже стала отнимать свои голоса у Кавеньяка, когда хотѣла принудить его къ новой уступкѣ. Она уже открыто говорила, что поддержка ея необходима ему, что она чуть ли не изъ милости держитъ его президентомъ исполнительной власти. При такихъ словахъ было очевидно, откуда грозитъ опасность центру; но онъ оставался непреклоненъ въ своемъ ужасѣ передъ призракомъ новыхъ баррикадъ и дѣлалъ правой сторонѣ одну уступку за другою.

Вмѣстѣ съ преніями объ административныхъ вопросахъ и текущихъ происшествіяхъ, шли въ Національномъ Собраніи пренія о конституціи. Изъ всѣхъ вопросовъ о государственномъ устройствѣ, ближе всего касался судьбы правительства вопросъ объ отношеніи исполнительной власти къ законодательной. Въ теоріи существовало объ этомъ два различныя мнѣнія: одни приписывали частые перевороты, раздиравшіе Францію въ послѣднія 60 лѣтъ, тому, что у правительствъ было будто бы слишкомъ мало силы для сопротивленія инсургентамъ, низвергавшимъ ихъ одно за другимъ. Другіе указывали на то, что постоянно исполнительная власть во Франціи подчиняла себѣ законодательную и, пренебрегая законнымъ контролемъ ея, впадала въ ошибки, которыя и бывали прямою причиною общаго неудовольствія, приводившаго къ насильственнымъ переворотамъ; изъ этого они выводили, что для прочности исполнительной власти и сохраненія государственнаго спокойствія, законодательную власть во Франціи надобно усилить на счетъ исполнительной, такъ, чтобы контроль первой надъ послѣднею былъ дѣйствителенъ. Которое изъ двухъ мнѣній было справедливо въ теоретическомъ отношеніи, мы не станемъ разсматривать. Но очевидно было, къ которому изъ этихъ двухъ мнѣній должны были присоединиться умѣренные республиканцы. Въ Національномъ Собраніи они господствовали; каковы будутъ стремленія исполнительной власти, когда она сдѣлается независимой отъ законодательной, они не знали навѣрное, но могли пред-

полагать, что она не будетъ чужда тѣмъ преданіямъ, какія остались отъ всѣхъ французскихъ правительствъ со временъ Наполеона. Эти преданія были вовсе не въ пользу умѣренныхъ республиканцевъ. Благоразуміе ясно указывало имъ путь. Пусть ихъ теоретическія убѣжденія были бы въ пользу независимости исполнительной власти отъ законодательной; но они должны были понять, что не время имъ приводить въ дѣло чистую теорію и надобно принять въ соображеніе настоящія привычки, отлагая полное осуществленіе теоріи до той поры, когда измѣнившіяся понятія самой исполнительной власти о своихъ обязанностяхъ будутъ служить достаточнымъ ручательствомъ за то, что она не употребитъ во зло своей независимости. Это было ясно. Но мы должны повторить фактъ, на который уже много разъ приходилось намъ указывать. Умѣренные республиканцы были теоретики, непонимавшіе условій практической жизни. Они во время преній о конституціи постоянно поддерживали всевозможную независимость исполнительной власти отъ законодательной и возвышали ея силы. Кавеньякъ и всѣ министры говорили въ этомъ смыслѣ. Но вотъ дошла очередь до того параграфа, который опредѣлялъ способъ избранія президента республики. Тутъ было два противныя мнѣнія, какъ и обо всемъ въ государственныхъ дѣлахъ, у правой и лѣвой стороны. Правая сторона хотѣла, чтобы президентъ исполнительной власти былъ избираемъ непосредственно націею, — этимъ возвышалось величіе исполнительной власти; лѣвая сторона хотѣла, чтобы онъ былъ избираемъ законодательнымъ собраніемъ, — черезъ это, конечно, онъ становился ниже его. Тутъ Кавеньякъ и министры замѣтили, наконецъ, что дѣло идетъ о сохраненіи или низверженіи тогдашняго порядка вещей во Франціи. Они замѣтили, что при общемъ неудовольствіи націи на нихъ, умѣренныхъ республиканцевъ, при разстройствѣ партіи реформаторовъ, легко могутъ восторжествовать при выборахъ президента реакціонеры, если выборъ будетъ предо-

ставленъ націи. Кавеньякъ и министры подали голосъ вмѣстѣ съ лѣвою стороною въ пользу предложенія, чтобы президентъ республики былъ избираемъ Національнымъ Собраніемъ. Но было уже слишкомъ поздно. Умѣренные республиканцы слишкомъ уже пріучены были своими предводителями видѣть на лѣвой сторонѣ смертельныхъ враговъ всякаго общественнаго порядка и вслѣдъ за реакціонерными журналами кричать: Les barbares sont à nos portes! Они до того пріучены были повертываться на право, что когда теперь ихъ предводители вздумали сдѣлать маневръ на лѣво, то были покинуты всѣмъ своимъ войскомъ. Большинствомъ четырехъ сотъ голосовъ было рѣшено, что президентъ республики будетъ выбранъ не Законодательнымъ Собраніемъ, а голосами всей націи.

Этимъ почти рѣшена была судьба умѣренныхъ республиканцевъ, подавшихъ голосъ противъ самихъ себя по неумѣнью соображать результаты своихъ дѣйствій. Трудно было имъ надѣяться на успѣхъ своего кандидата при выборѣ президента голосами всей націи, потому что ничего не сдѣлали они для пріобрѣтенія популярности, а между тѣмъ должны были передъ общественнымъ мнѣніемъ нести отвѣтственность за всѣ тѣ матеріальныя невзгоды, которыми сопровождался февральскій переворотъ.

Нельзя отрицать того, что Кавеньякъ и его политическіе друзья искренно желали отвратить всѣ злоупотребленія, облегчить всѣ тяжести, на которыя жаловалась нація. Но еще неоспоримѣе то, что ничего не было сдѣлано ими для исполненія этихъ желаній. Мы уже говорили о тѣхъ преобразованіяхъ, какія надобно было бы сдѣлать въ бюджетѣ, чтобы удовлетворить жалобамъ, которыя сильно содѣйствовали февральскому перевороту и ожиданіямъ, которыя были возбуждены этимъ переворотомъ. Реформы, нами указанныя, были согласны съ убѣжденіями умѣренныхъ республиканцевъ. Но эта партія была по рукамъ и ногамъ связана реакціонерами, превозглашавшими непогрѣшительность бюджета прежнихъ лѣтъ

и вопіявшими противъ всякой попытки сократить государственные расходы, которыми они пользовались, или замѣнить распредѣленіе налоговъ, благопріятное для нихъ. Воображая себя въ опасности отъ людей убитыхъ, сосланныхъ или изгнанныхъ въ іюнѣ, умѣренные республиканцы не могли энергически приняться и за вопросъ о децентрализаціи, потому что всевозможное натягиваніе административныхъ пружинъ казалось имъ нужно для охраненія общественнаго порядка отъ опасностей съ лѣва, которыхъ уже не было. Охотно приняли бы они какія нибудь прямыя мѣры для улучшенія положенія низшихъ классовъ, но всѣ эти мѣры уже предлагались реформаторами, каждая мысль которыхъ представлялась умѣреннымъ республиканцамъ чѣмъ-то разрушительнымъ для общества; а если и приходила умѣреннымъ республиканцамъ въ голову какая нибудь маленькая идейка о какомъ нибудь маленькомъ законѣ, который бы нѣсколько полезенъ былъ народу, реакціонеры поднимали вопль, доказывая, что этотъ законъ былъ бы подражаніемъ проэктамъ реформаторовъ,— и дѣйствительно не трудно было доказать это, потому что на самомъ дѣлѣ мысли умѣренныхъ республиканцевъ объ улучшеніи состоянія простолюдиновъ были блѣдными отраженіями понятій, высказанныхъ реформаторами, — и бѣдные умѣренные республиканцы съ испугомъ отступались отъ того изъ своихъ сотоварищей, который былъ обвиняемъ реакціонерами въ потворствѣ реформаторскимъ теоріямъ. Чтобы объяснить нагляднѣе эту нерѣшительность, мы укажемъ на единственную прямую мѣру, принятую Національнымъ Собраніемъ для улучшенія участи работниковъ. Собраніе назначило 3,000,000 франковъ на пособіе учрежденію ассоціацій между фабричными работниками, то есть, для образованія чего-то похожаго на наши промысловыя и ремесленныя артели. Повидимому ничто не могло быть невиннѣе такого назначенія. Но надобно только прочесть доклады и рѣчи, съ которыми даны были эти деньги, чтобы понять,

какими чувствами простолюдины должны были встрѣтить этотъ заемъ. Вотъ докладъ, представленный Собранію Корбономъ отъ имени Комитета, разсматривавшаго предложеніе объ этомъ пособіи и рекомендовавшаго Собранію принять его.

„Навѣрное, въ нашемъ Собраніи нѣтъ ни одного члена, который не желалъ бы всѣмъ сердцемъ постепеннаго возвышенія сословій, до сихъ поръ содержавшихся въ низкомъ положеніи. Съ своей стороны, мы искренно убѣждены, что настанетъ время, когда большая часть работниковъ перейдутъ изъ состоянія наемщиковъ въ состояніе сотоварищей, какъ прежде перешли они изъ рабства въ крѣпостное состояніе, изъ крѣпостнаго состоянія въ вольные наемщики. Но эта перемѣна будетъ дѣломъ времени и личныхъ усилій работниковъ. Конечно, государство должно помогать ей; но каково бы ни было его участіе въ медленномъ осуществленіи этого прогресса, участіе государства будетъ въ этомъ дѣлѣ гораздо меньше, нежели участіе, какое въ немъ должны имѣть сами работники. Работникъ долженъ быть сыномъ своего труда, и если онъ нѣкогда тѣмъ или другимъ способомъ получитъ въ собственное распоряженіе средства для производства своего промысла, этими средствами онъ долженъ быть прежде всего обязанъ собственнымъ усиліямъ.

„Мы знаемъ, что такой приговоръ мало удовлетворитъ ту часть рабочаго класса, которую, напротивъ, увѣрили, что государство сдѣлаетъ все, и что работникамъ надобно лишь пользоваться его содѣйствіемъ. Недостойны помощи тѣ, которые не имѣютъ мужества помочь сами своимъ дѣламъ, не имѣютъ истиннаго понятія ни о свободѣ, ни о равенствѣ, ни о братствѣ, тѣ, которые не хотятъ пытаться поднять себя постоянными и терпѣливыми усиліями, а ждутъ, пока ихъ поднимутъ другіе.

„Мы хотимъ, чтобы государство помогало работникамъ только пропорціонально тѣмъ усиліямъ, которыя будутъ дѣлать они сами для пріобрѣтенія въ

свое распоряженіе средствъ къ независимому труду.

„Мы не исполнили бы всей своей обязанности, если бы не прибавили, что ассоціаціи, пользующіяся нашей помощью, должны необходимо подчиняться условіямъ соперничества, безъ котораго нѣтъ самой свободы труда. Мы говоримъ это именно потому, что работниковъ увѣрили, будто всѣ ихъ бѣдствія— результаты соперничества. До извѣстной степени это справедливо ; но напрасно отъ злоупотребленій соперничества заключать, что надобно уничтожить самое соперничество.

„Для работниковъ полезно будетъ услышать, что уничтожить соперничество — просто невозможность.

„Въ самомъ дѣлѣ, какъ уничтожить его? Силою власти? Но власть, которая возьмется за это, будетъ немедленно низвергнута. Посредствомъ ассоціаціи, которая послужила бы зерномъ для всеобщей ассоціаціи? Но — (Корбонъ доказываетъ, что это также невозможно).

„Къ счастію настало время, когда эти важные вопросы будутъ обсуждены съ національной трибуны, которая своимъ авторитетомъ предостережетъ работниковъ противъ идей, помрачившихъ, къ сожалѣнію, слишкомъ многіе умы.

„Наши пренія покажутъ, сколько правды въ тѣхъ ученіяхъ, которыя, прикрываясь формами строгой нравственности, прибѣгая къ языку любви и преданности общему благу, въ сущности взываютъ только къ эгоизму и возбуждаютъ противъ общества ненависть тѣмъ болѣе глубокую, что ими раздражаются всѣ желанія у людей, неимѣющихъ и необходимаго.“

Съ перваго взгляда видно, что этотъ докладъ составленъ не столько подъ вліяніемъ мысли провести мѣру полезную для работниковъ, сколько подъ вліяніемъ заботы не показаться союзниками реформаторовъ, и желанія внушить работникамъ, что ихъ надежды на содѣйствіе государства въ измѣненіи ихъ быта напрасны. Безъ всякой надобности, Корбонъ толкуетъ о неизбѣжности соперничества, о невозмож-

ности всеобщей ассоціаціи работниковъ, которой нѣтъ и въ поминѣ, твердитъ, что государства ничего особеннаго не можетъ сдѣлать для работниковъ, и т. д. Могъ ли такой докладъ произвесть на работниковъ хорошее впечатлѣніе? Нѣтъ, онъ представлялся для нихъ выраженіемъ антипатіи къ нимъ. И какъ легко приходили имъ мысли, которыми опроверглись разсужденія доклада. Напримѣръ, при словахъ „недостойны помощи тѣ, которые не имѣютъ мужества помочь сами своимъ дѣламъ“ (Ceux-là ne sont pas dignes d'être aidés, qui n'ont pas le courage de s'aider), —при этихъ словахъ, составляющихъ основную мысль доклада, кому изъ нуждающихся въ содѣйствіи государства не приходило въ голову такое возраженіе: „Но зачѣмъ же и существуетъ государство, какъ не для охраненія человѣка отъ бѣдствій, которыхъ не можетъ отвратить его собственное мужество и сила? Если такъ, полиція должна бы защищать отъ воровъ только того, который самъ и безъ полиціи въ силахъ прогнать или убить вора; если же разбойники нападутъ на труса или больнаго, полиція не должна защищать отъ нихъ этого человѣка, потому что „онъ не имѣетъ мужества помочь себѣ“. Да развѣ помощь нужна сильнымъ и мужественнымъ, а не слабымъ и забитымъ обстоятельствами?“

Но докладъ Корбона былъ еще очень любезенъ, сравнительно съ тѣми рѣчами, какія говорились по этому дѣлу реакціонерами. Корбонъ думалъ, по крайней мѣрѣ, что въ оказываемомъ пособіи есть что-то хоть отчасти справедливое и хотя нѣсколько полезное. Предводитель реакціонеровъ, знаменитый говорунъ Тьеръ, своимъ пискливымъ голосомъ кричалъ, что все это вздоръ, что деньги эти бросаются въ печь, но что онъ съ удовольствіемъ соглашается бросить ихъ въ печь, потому что безуспѣшностію этой нелѣпой попытки помогать учрежденію ассоціацій докажется нелѣпость самой мысли объ ассоціаціяхъ, мысли сумасбродной и безнравственной. „Не три милліона, а двадцать милліоновъ слѣдовало бы

вамъ требовать отъ насъ, говорилъ онъ Корбону — мы дали бы вамъ ихъ. Да, двадцати милліоновъ не пожалѣли бы мы на поразительный опытъ, который долженъ изцѣлить васъ всѣхъ отъ этого колоссальнаго сумасбродства".

Выдачу этихъ денегъ считали милостынею и прямо говорили, что бросаютъ ихъ совершенно безполезно; изъ этого слѣдовало бы заключать по крайней мѣрѣ, что пособіе оказывается безвозмездно. Вовсе нѣтъ: три милліона назначались вовсе не въ безвозмездное пособіе, а просто въ заемъ ассоціаціямъ, которыя должны были постепенно возвращать въ казну сполна всю полученную ими ссуду. Прилично ли, возможно ли кричать, что даришь деньги, когда даешь ихъ въ займы? Прилично ли тутъ хвастаться своимъ великодушіемъ? прилично ли кричать о пропажѣ денегъ? Заемъ, выдаваемый съ такими рѣчами, оскорбитъ каждаго, въ комъ осталось хоть нѣсколько уваженія къ себѣ.

Наконецъ, не говоря уже обо всемъ этомъ, какое впечатлѣніе должна была производить самая величина ссуды? 700,000 руб. сер. на цѣлое государство, въ пособіе сословію, составляющему гораздо болѣе семи милліоновъ человѣкъ. Скупость доходила тутъ до ироніи. Какое впечатлѣніе должны были производить эти жалкіе три милліона франковъ, по сравненію съ десятками милліоновъ, ежегодно выдававшимися отъ казны на покровительство биржевымъ спекуляціямъ? Но банкиры и биржевые спекулянты, какъ будто, отъ природы получили привилегію на поощреніе отъ французскаго правительства. Суммы, которыя растрачиваются казною для нихъ, не слѣдуетъ сравнивать съ деньгами, назначаемыми въ пособіе черному народу; можно сравнивать по крайней мѣрѣ величину суммъ, назначаемыхъ на разные способы пособія черному народу. Въ то самое время, какъ опредѣлялось три милліона для ассоціацій во Франціи, ассигновалось пятьдесятъ милліоновъ на переселеніе пролетаріевъ въ Алжирію. Рѣчи и обстоятельства,

которыми сопровождался законъ объ этой колонизаціи, дѣлали это переселеніе совершенно подобнымъ ссылкѣ, предпринимаемой для удаленія изъ Франціи опасныхъ людей, изъ которыхъ большинству предстоитъ на новомъ мѣстѣ жительства погибнуть отъ лишеній всякаго рода и кабильскихъ пуль. Въ этомъ смыслѣ и было принято переселеніе простолюдинами; они сочли не результатомъ заботливости о нихъ, а слѣдствіемъ желанія удалить изъ Франціи предпріимчивыхъ, и потому опасныхъ, простолюдиновъ. Какое же впечатлѣніе производилось на работниковъ сравненіемъ трехъ милліоновъ, съ упреками и дурными предсказаніями выдаваемыхъ на исполненіе задушевнаго убѣжденія простолюдиновъ, и пятидесяти милліоновъ назначаемыхъ на ссылку, прикрытую именемъ колонизаціи?

Ссуда на учрежденіе ассоціацій была единственною сколько нибудь важною мѣрою Кавеньяковскаго правительства для пріобрѣтенія популярности. Очень мало было принято даже и незначительныхъ мѣръ съ этою цѣлью, да и тѣ всѣ были обсуждаемы и исполняемы въ такомъ же духѣ, какъ выдача ссуды ассоціаціямъ. Очень натурально, что чувство, съ которымъ народъ смотрѣлъ на Кавеньяка и его партію послѣ іюньскихъ дней, ни мало не улучшилось въ теченіе слѣдовавшихъ за тѣмъ мѣсяцевъ. Умѣренные республиканцы не сдѣлали совершенно ничего для привлеченія къ себѣ народа, и народъ продолжалъ смотрѣть на нихъ, какъ на людей, отъ которыхъ нѣчего ему ждать.

Политика умѣренныхъ республиканцевъ была очень неудачна въ дѣлахъ внутренняго управленія. Этотъ недостатокъ могъ бы до нѣкоторой степени замѣниться блескомъ и популярностью внѣшней политики. Случаевъ къ тому представлялось много, и нѣкоторые изъ нихъ были до того благопріятны, что самый неразсчетливый человѣкъ легко понималъ ихъ драгоцѣнность.

Мы укажемъ только два важнѣйшіе.

Во Франкфуртѣ на Майнѣ собрался Нѣмецкій Парламентъ съ цѣлью дать нѣмецкому народу государственное единство. По правилу, нами принятому, мы вовсе не будемъ разсматривать, хороша или дурна была эта цѣль, точно такъ, какъ мы вовсе не говорили и о томъ, хороши или дурны были стремленія Кавеньяка и его политическихъ друзей. Мы обращаемъ вниманіе только на то отношеніе, какое существовало между потребностями положенія, въ какомъ находилось правительство Кавеньяка и дѣлами Франкфуртскаго Парламента, и хотимъ показать, что Кавеньякъ и его партія не умѣли дѣйствовать сообразно съ своими выгодами. Франкфуртскій Парламентъ искалъ дружбы Франціи; онъ былъ проникнутъ тѣми же понятіями, какъ и правительство Кавеньяка, — дѣйствовалъ въ духѣ того демократизма, который, противъ такъ называемой демагогіи, враждуетъ гораздо сильнѣе, нежели противъ реакціи. Подобно правительству умѣренныхъ республиканцевъ во Франціи, Франкфуртскій Парламентъ вышелъ изъ революціоннаго движенія; подобно умѣреннымъ республиканцамъ Франціи, онъ утвердилъ свое значеніе кровопролитнымъ подавленіемъ революціоннаго движенія, изъ котораго возникъ самъ; подобно умѣреннымъ республиканцамъ, онъ былъ уже въ большой опасности отъ усиливавшейся реакціи (отъ которой скоро и погибъ подобно имъ); и подобно имъ, совершенно не понималъ и не замѣчалъ этой дѣйствительной опасности, воображая, что опасность грозитъ ему совсѣмъ не съ той стороны. Словомъ сказать, по своимъ идеямъ, Франкфуртскій Парламентъ занималъ среди нѣмецкихъ партій точно такое же положеніе, какъ правительство Кавеньяка среди французскихъ партій. Союзъ между правительствами столь однородными казался бы неизбѣжнымъ. Франкфуртскій Парламентъ, не находившій поддержки ни въ одномъ изъ иностранныхъ правительствъ, чрезвычайно дорожилъ надеждою на дружбу съ Франціею и готовъ былъ чрезвычайно дорого заплатить за эту дружбу. Тайныя инструкціи,

данныя на этотъ случай его агенту въ Парижѣ, необнародованы; но хорошо извѣстны мнѣнія людей, господствовавшихъ во Франкфуртѣ, и не трудно отгадать, на какія важныя уступки согласились бы они. Но вмѣсто того, чтобы вступить въ выгодный союзъ, французское правительство даже не приняло посланника отъ Франкфуртскаго Парламента.

Еще яснѣе нѣмецкаго вопроса былъ итальянскій, еще очевиднѣе была выгода французскихъ правителей принять въ немъ участіе. Не говоримъ уже о томъ, что итальянцы проникнуты были чрезвычайнымъ сочувствіемъ къ Франціи и выступали съ тѣми лозунгами, которые находились на знамени тогдашняго парижскаго правительства, — не говоримъ объ этихъ соображеніяхъ, основанныхъ на фактахъ настоящаго: даже дипломатическая рутина требовала, чтобы Кавеньякъ принялъ сторону итальянцевъ противъ австрійцевъ. Австрія была всегда соперницею Франціи, издавна дипломатическія и военныя торжества пріобрѣтались Франціею преимущественно въ борьбѣ противъ этой державы. Но и тутъ правительство Кавеньяка не сдѣлало ровно ничего. Не была подана итальянцамъ матеріальная помощь, когда они нуждались въ ней; а когда послѣ пораженія итальянскихъ армій Франція рѣшилась наконецъ принять посредничество съ цѣлью противодѣйствовать слишкомъ сильному перевѣсу Австріи, дѣло было ведено чрезвычайно слабо и вяло, и кончилось совершенно въ пользу Австріи и въ стыдъ Франціи.

Таковъ общій характеръ управленія Кавеньяка. Внутренніе вопросы настоятельнѣйшимъ образомъ требовали разрѣшенія, — ничего не было сдѣлано для этого, и путь, избранный правительствомъ Кавеньяка во внутренней политикѣ, прямо противоположенъ былъ и смыслу обстоятельствъ и выгодамъ правительства. Слава внѣшняго могущества, блескъ дипломатическихъ и военныхъ торжествъ могъ бы доставить правительству Кавеньяка ту популярность, которой не могла доставить внутренняя политика,—

внѣшняя война отвлекла бы вниманіе отъ внутреннихъ вопросовъ, соединила бы всю націю подъ знаменами правительства, — но и этого не поняли, и этимъ не воспользовались умѣренные республиканцы.

Такимъ образомъ, когда настало время выборовъ президента республики, умѣренные республиканцы не могли похвалиться ничѣмъ, кромѣ іюньскаго кровопролитія; ничего не сдѣлали они для смягченія ненависти, возбужденной этими жестокостями въ одномъ изъ двухъ лагерей, и своимъ излишнимъ крикомъ объ ужасныхъ намѣреніяхъ этого лагеря ободрили притязанія предводителей противной партіи. Ничего не сдѣлали они для націи, оттолкнули отъ себя однѣ партіи и сдѣлали надменными другія партіи.

Тѣмъ не менѣе, слабость всѣхъ другихъ партій была такъ велика, что ни одна изъ нихъ не могла выставить своего кандидата съ надеждою на успѣхъ. На это разсчитывали умѣренные республиканцы, и ожидали, что всѣ благоразумные люди соединятся около ихъ кандидата за недостаткомъ другаго.

Дѣйствительно, такъ поступали многіе изъ людей, желавшихъ поддержать новыя формы государственнаго устройства. За Ледрю-Роллена подало голосъ только меньшинство изъ тѣхъ, которые принадлежали къ партіямъ, выставившимъ его своимъ кандидатомъ; большинство ихъ политическихъ друзей, видя, что Ледрю-Ролленъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ избранъ, подали голосъ за Кавеньяка, для общаго интереса пожертвовавъ своими неудовольствіями противъ него и умѣренныхъ республиканцевъ. Многіе изъ людей, которыхъ преслѣдовало правительство Кавеньяка, поддерживали его изъ преданности интересамъ Франціи. Не такъ поступили партіи, которымъ оно дѣлало всевозможныя уступки: гордость ихъ возрасла до того, что они уже не хотѣли никакихъ сдѣлокъ съ республиканцами; они дали ненависти до того овладѣть собою, что выставили впередъ человѣка, по своимъ стремленіямъ гораздо болѣе враждебнаго имъ, нежели Кавеньякъ, лишь бы только низвергнуть Кавеньяка.

Здѣсь не мѣсто излагать исторію Луи-Наполеона Бонапарта до декабря 1848 года. Мы должны только показать его отношенія къ партіямъ при тѣхъ выборахъ, которыми рѣшалась участь Франціи.

Партія бонапартистовъ никогда не исчезала во Франціи, но всегда была чрезвычайно слаба, такъ что вовсе не могла считаться серьезною политическою партіею; по своему безсилію, она не могла быть никому опасна. Она пользовалась совершеннымъ просторомъ для дѣйствій, благодаря всеобщему невниманію къ ней.

Первое, что придало бонапартизму нѣкоторую важность, были неблагоразумные поступки реакціонеровъ и умѣренныхъ республиканцевъ, по вопросу о главѣ бонапартистовъ, Луи-Наполеонѣ. Въ февралѣ, онъ просилъ у новаго правительства разрѣшенія возвратиться во Францію, изъ которой былъ изгнанъ постановленіями прежнихъ правительствъ. Онъ уже тогда считалъ себя претендентомъ на французскій престолъ; но его притязанія были тогда еще безсильны; люди проницательные говорили, что не нужно придавать ему важность, показывая видъ, что его опасаются, и предлагали, чтобы ему было позволено возвратиться. Реакціонеры и умѣренные республиканцы отвергли этотъ совѣтъ. Слѣдствіемъ этого было повтореніе просьбъ и жалобъ съ его стороны. Благодаря отказу, ему удалось возбудить къ себѣ вниманіе и сожалѣніе во многихъ. Если съ перваго раза отказали ему, слѣдовало уже твердо держаться этого рѣшенія; но черезъ нѣсколько времени, ему позволили возвратиться. Уже успѣвъ надѣлать шума своими просьбами и жалобами, онъ теперь отважился выставить себя кандидатомъ въ президенты.

Реакціонеры не имѣли кандидата, котораго могли бы противопоставить Кавеньяку. Они распадались на нѣсколько партій, изъ которыхъ ни одна не хотѣла уступить другой перевѣса. Притомъ же, всѣ предводители этихъ партій, были на дурномъ замѣчаніи у народа. Надобно было выбрать нейтральное

имя, на которомъ могли бы соединиться ультрамонтаны, легитимисты и орлеанисты, — духовенство, аристократы и капиталисты ; надобно было отыскать такого кандидата, противъ котораго нація еще не имѣла бы предубѣжденія и кандидатство котораго обозначало бы только протестъ противъ партіи, управлявшей Франціею съ февраля, и не означало бы ничего другаго, потому что въ этомъ одномъ были согласны реакціонеры. Этотъ кандидатъ реакціонеровъ, котораго надобно было найти внѣ реакціонныхъ партій, долженъ былъ не представляться для нихъ опаснымъ по своей силѣ, долженъ былъ получить власть изъ ихъ рукъ, держаться только ихъ поддержкою и безъ нихъ не значить ничего. Именно такимъ человѣкомъ предоставлялся имъ Луи-Наполеонъ. Ничтожность его собственной партіи была причиною, что на немъ остановился выборъ реакціонеровъ, которые думали, что какъ теперь безъ нихъ онъ ничего не значитъ, такъ и потомъ ничего не будетъ значить безъ нихъ, и что они будутъ управлять его именемъ.

Такимъ образомъ, всѣ реакціонеры единодушно стали за Луи-Наполеона. Этимъ пріобрѣталась ему почти половина голосовъ на выборахъ.

Тогда масса реформативныхъ партій, увидѣвъ, что остается избирать только между Луи-Наполеономъ и Кавеньякомъ, увлеклась ненавистью къ умѣреннымъ республиканцамъ за іюньскія событія, и рѣшилась предпочесть Луи-Наполеона. Умѣренные республиканцы доказали, что отъ нихъ нельзя народу ждать ничего хорошаго; Луи-Наполеонъ будетъ во всякомъ случаѣ не хуже, а быть можетъ окажется и лучше ихъ. Правда, его поддерживаютъ реакціонеры, но онъ самъ не принадлежитъ къ нимъ. Во всякомъ случаѣ, самъ по себѣ онъ не имѣетъ никакой силы, и его выборъ имѣетъ только значеніе переходнаго факта, временнаго перемирія между партіями, изъ которыхъ еще ни одна не довольно сильна, чтобы одной ей побѣдить умѣренныхъ республиканцевъ и

всѣ другія партіи. Его власть будетъ только до того времени, какъ мы оправимся отъ іюньскаго пораженія,— пусть же до той поры, когда мы въ состояніи будемъ надѣяться на побѣду, продолжается перемиріе, и пусть будетъ власть въ нейтральныхъ рукахъ человѣка, который не можетъ помѣшать намъ, потому что самъ по себѣ безсиленъ.

Точно также думали и реакціонеры. Правленіе Луи-Наполеона каждая изъ ихъ партій принимала только какъ переходную ступень къ собственному торжеству, какъ перемиріе съ другими партіями до того времени, какъ она сама станетъ сильнѣе всѣхъ другихъ.

Для всѣхъ, подававшихъ за него голосъ, онъ казался безопаснымъ орудіемъ для низверженія умѣренныхъ республиканцевъ, казался нейтральнымъ агентомъ, которому поручается временное веденіе дѣлъ до той поры, какъ довѣритель самъ почтетъ удобнымъ взять дѣла изъ его рукъ въ свои.

Такимъ образомъ, при выборахъ президента, партіи стали въ слѣдующее положеніе относительно трехъ кандидатовъ :

За Ледрю-Роллена была только небольшая часть людей лѣвой стороны,— именно только тѣ, которые компрометировали бы свою политическую репутацію, если бы подали голосъ не за оффиціальнаго кандидата своей партіи. Масса этой партіи подала голосъ за Луи-Наполеона.

За Кавеньяка были умѣренные республиканцы, и сверхъ того люди, которые никогда не желаютъ никакихъ перемѣнъ, — число послѣднихъ было, въ то время разгара политическихъ страстей, гораздо менѣе обыкновенной пропорціи.

За Луи-Наполеона были всѣ реакціонеры и масса приверженцевъ лѣвой партіи, предводители которой по своему положенію передъ общественнымъ мнѣніемъ не могли покинуть Ледрю-Роллена. Всѣ приверженцы реформаторовъ, не имѣвшіе своего кандидата, подали голосъ за Луи-Наполеона.

При этомъ расположеніи партій, всѣ болѣе или

менѣе предвидѣли результаты выборовъ; всѣ знали, что Кавеньякъ не получитъ большинства, всѣ были увѣрены, что коалиція, избравшая своимъ орудіемъ Луи-Наполеона, составитъ большинство голосовъ.

Тутъ, умѣренные республиканцы, покидая власть, въ первый разъ приняли образъ дѣйствій, соотвѣтствовавшій обстоятельствамъ. Дѣла дошли до такого состоянія, при которомъ всѣ мѣры воспрепятствовать выбору Луи-Наполеона остались бы напрасными, и правительство Кавеньяка не позволило себѣ ни одной интриги, ни одного незаконнаго дѣйствія во вредъ своему противнику. Честность Кавеньяка и его друзей въ этомъ отношеніи заслужила имъ всеобщее уваженіе, и дѣйствительно, она была безпримѣрна въ исторіи Франціи. Съ незапамятныхъ временъ, въ первый разъ французы видѣли правительство, которое законъ ставитъ выше собственныхъ интересовъ, и не хочетъ злоупотреблять своею силою для продолженія своей власти. Но и тутъ, мы не знаемъ, понимали ли умѣренные республиканцы, что всѣ попытки сопротивленія съ ихъ стороны были напрасны; дѣйствовали ли они какъ государственные люди, понимающіе состояніе дѣлъ, и сознательно отказавшіеся отъ невозможнаго, — или они еще полагали, что могли бы удержаться, если бы прибѣгли къ интригамъ, стѣснительнымъ мѣрамъ и открытой силѣ. По соображенію всего, что говорили мы о прежней ихъ неспособности понимать обстоятельства, надобно склоняться къ послѣднему предположенію.

Какъ бы то ни было, правительство Кавеньяка оставило полную свободу выборамъ, неблагопріятный исходъ которыхъ предвидѣло, и съ благоговѣніемъ уступило результату выборовъ.

Въ выборахъ приняли участіе 7,324,672 избирателей; изъ нихъ подали голосъ:

За Ледрю-Роллена	407,039.
— Кавеньяка	1,448,107.
— Луи-Наполеона	5,434,226.

20-го декабря результатъ выборовъ былъ провѣренъ Національнымъ Собраніемъ. Кавеньякъ взошелъ на трибуну, въ немногихъ, но прекрасныхъ словахъ выразилъ свою покорность волѣ націи и сложилъ съ себя власть.

Съ этого дня, умѣренные республиканцы потеряли всякое вліяніе на ходъ событій, ихъ политическая роль во Франціи окончилась.

Полугодичное ихъ управленіе Франціею даетъ много уроковъ людямъ, думающимъ о ходѣ историческихъ событій. Изъ этихъ уроковъ, важнѣйшій тотъ, на который преимущественно и указываютъ факты, нами изложенные.

Нѣтъ ничего гибельнѣе для людей и въ частной и въ государственной жизни, какъ дѣйствовать нерѣшительно, отталкивая отъ себя друзей и робѣя передъ врагами. Частный человѣкъ, стремящійся сдѣлать что нибудь полезное, долженъ быть увѣренъ въ томъ, что ни отъ кого, кромѣ людей, дѣйствительно сочувствующихъ его намѣреніямъ, не можетъ онъ ждать опоры, что недовѣріе къ нимъ и довѣріе къ людямъ, желающимъ совершенно противнаго, не приведетъ его ни къ чему хорошему. Напрасно сталъ бы онъ думать, что какими бы то ни было потворствами можетъ онъ смягчить партію, которая не одобряетъ его коренныхъ желаній, — вражда этой партіи къ нему останется непримирима, и для того, чтобы удержать за собою свои мнимыя выгоды, она всегда готова будетъ погубить человѣка, намѣренія котораго ей противны, — конечно, погибнетъ потомъ и сама, какъ погибли и французскіе реакціонеры при Луи-Наполеонѣ, — но ослѣпленная ненавистью, она не разбираетъ средствъ и не предвидитъ будущаго.

Государственный человѣкъ не долженъ ввѣрять веденія дѣлъ, не долженъ оставлять вліянія на ходъ событій врагамъ своихъ намѣреній. Только при этомъ условіи дѣла пойдутъ такъ, какъ онъ того хочетъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ

За пріостановкой изданія полнаго собранія сочиненій Чернышевскаго, я не считалъ нужнымъ печатать приходо-расходную таблицу отдѣльнымъ объявленіемъ. Теперь издатели настоящаго выпуска обязательно дали мнѣ мѣсто на припечатку моего отчета *по изданію.*

Нечего пояснять, что я пріостановилъ изданіе за недостаткомъ денежныхъ средствъ: это видно изъ приходной таблицы; собиралъ на изданіе какъ умѣлъ, и гдѣ можно было собрать.

Genève, Terrassière, 24. *М. ЭЛПИДИНЪ.*

ОТЧЕТЪ

ПОЛУЧЕННЫМЪ И ИЗРАСХОДОВАННЫМЪ ДЕНЬГАМЪ

послѣ выхода IV тома

ПОЛУЧЕНО:	ФР.	САНТ.
Мученикъ и его друзья (30 рублей)	96	—
Мученикъ отдѣльно—золотую цѣпочку	70	—
Бардадымъ	55	—
Судья-юмористъ съ Юга	10	—
Братъ съ сестрой, родственники венгерскаго генерала	30	—
Сашкинъ	20	—
Х. — 20 баварскихъ гульденовъ	41	80
Quasi-Фейербахъ	7	—
Выработано лично типографскими заказами . .	210	—
Докторъ изъ солидныхъ, на мое личное усмотрѣніе	100	—
Онъ же, на слѣдующій годъ	100	—
Полковникъ въ отставкѣ за III и IV тома . . .	10	—
Любитель природы за III и IV тома	6	—
Чаеторговецъ-мѣняла	60	—
Юриспрудентъ	10	—
F. F. на высылку спеціальныхъ брошюръ . . .	186	—
Транспортъ . .	1011	80

	ФР.	САНТ.
Транспортъ. . .	1011	80
Шевелевъ, молоканомъ называвшійся *	150	—
Бутковскій, проживающій въ Женевѣ *	40	—
№ 105	80	—
Музыкантъ — 50 р., черезъ тетку	160	—
Продано Лаврову книгъ на	16	—
— Неизвѣстному, черезъ Чернецкаго . .	7	—
Черезъ книгопродавца разомъ соч. Чернышевскаго III и IV т. съ уступкой 55 % на . . .	1350	—
По отчету книгопродавцевъ за соч. Чернышевскаго и другія брошюры за 1869—1870 . .	437	—
— — 1871—1872 . .	98	—
— — 1872—1873 . .	157	25
Итого получено	3507	05

ИЗРАСХОДОВАНО:

Корреспонденція	49	10
Издержки по процессу (см. предисловіе къ IV т.) .	33	—
Отсылка книгъ	97	30
Помѣщеніе типографіи съ мая 1870 по іюль 1873 .	720	—
Отопленіе и освѣщеніе во время заказовъ . . .	12	25
Непредвидѣнные разные расходы	102	80
Итого израсходовано	1014	45

Остатокъ отъ прихода 2492 фр. 60 с. отчисленъ на покрытіе дефицита 5135 фр. 80 с. отъ прежнихъ томовъ (см. отчетъ къ IV т. изданія 1870 г.). Слѣдовательно, остается еще покрыть (5135—2492) **2643 фр.**

Примѣчаніе.— Сборъ на изданіе былъ открытъ передъ всѣми безъ различія, не обращая вниманія *къ какому* „разряду“ или *отдѣленію* принадлежалъ взносчикъ. Только отчетность требовала отъ издателей указанія взносчика подъ условными знаками или псевдонимами. Нелишнимъ считаю замѣтить, что двое изъ жертвователей, обозначенные подъ звѣздочками, пожелали даже прописать свои имена всѣми буквами. Потому, удовлетворяя ихъ съ этой стороны, я предупреждаю другихъ вкладчиковъ, что прописка именъ всѣми буквами еще не служитъ доброй рекомендаціей на какое либо сношеніе съ ними.